

Современное
востоковедение

ЦУЁСИ
ХАСЭГАВА

ГОНКА ЗА ВРАГОМ

СТАЛИН, ТРУМЭН
И КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

«Современное востоковедение» / «Modern Oriental Studies»

Цуёси Хасэгава

**Гонка за врагом. Сталин,
Трумэн и капитуляция Японии**

«Библиороссика»

2006

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

Хасэгава Ц.

Гонка за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии /
Ц. Хасэгава — «Библиороссика», 2006 — («Современное
востоковедение» / «Modern Oriental Studies»)

ISBN 978-5-6046149-3-8

В этой книге подробно исследуется окончание Тихоокеанской войны в контексте международного положения. Тщательному анализу подвергнуты сложные взаимоотношения между тремя основными участниками конфликта: Соединенными Штатами, Советским Союзом и Японией. В книге автор показывает, что Сталин был активным участником драмы под названием «Капитуляция Японии», а вовсе не находился на второстепенных ролях, как ранее полагали историки. Также в ней дается более полная картина того, при каких обстоятельствах было принято решение об атомных бомбардировках Японии. Наконец, в этой книге описывается бурная деятельность, проводившаяся Сталиным между 15 августа, когда Япония согласилась на безоговорочную капитуляцию, и 5 сентября, когда завершилась операция советских войск на Курилах. Книга предназначена как историкам, так и всем интересующимся периодом Второй мировой войны и международными отношениями в целом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-6046149-3-8

© Хасэгава Ц., 2006
© Библиороссика, 2006

Содержание

Благодарности	7
К русскому изданию	10
Предисловие	12
История международных отношений	14
Кокутай: японская национальная идентичность	16
Слепые и слон	17
Глава 1	18
Япония вторгается в Маньчжурию	22
Заключение пакта о нейтралитете	24
Переход к политике умиротворения	29
Рузвельт требует безоговорочной капитуляции	31
Сталин обещает вступить в войну с Японией	33
Падение Тодзё	37
Сталин торгуется с Соединенными Штатами	41
Вопрос с пактом о нейтралитете	43
«Большая тройка» в Ялте	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Цуёси Хасэгава Гонка за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии

*Памяти Бориса Николаевича Славинского, моего друга и коллеги,
который не увидел плодов нашей совместной работы*

Tsuyoshi Hasegawa
Racing the Enemy
Stalin, Truman, and the Surrender of Japan

The Belknap Press of Harvard University Press
Cambridge^ Massachusetts / London, England
2006

Перевод с английского Ильи Нахмансона

© Tsuyoshi Hasegawa, text, 2006
© Harvard University Press, 2006
© И. М. Нахмансон, перевод с английского, 2021
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Благодарности

Эта книга была написана в сотрудничестве с двумя учеными: покойным Б. Н. Славинским, старшим научным сотрудником Института мировой экономики и мировых отношений РАН (ИМЭМО) в Москве, и Сумио Хатано из Цукубского университета в Токио. Мое сотрудничество с Борисом Славинским началось во время моего четырехмесячного пребывания в Москве в 2000 году. У нас состоялось множество дискуссий, в ходе которых мы обсудили структуру нашей совместной работы, и он щедро поделился со мной большим массивом архивных данных, которые он усердно собирал в тот краткий период времени, когда после падения Советского Союза Россия рассекретила советские архивы. Славинский был отважным историком, бросившим вызов ортодоксальной советской историографии, которая все еще прева-лирует в российской академической среде даже после распада СССР. Мы как раз собирались приняться за написание первого чернового варианта этой книги, когда он неожиданно скончался в апреле 2002 года. Его смерть стала тяжелой утратой для этого проекта.

Сумио Хатано внес неоценимый вклад в создание этой книги. Нет никого, кто лучше него был бы знаком с историографией и источниками по капитуляции Японии. Он нашел для меня множество архивных материалов, некоторые из которых впервые были процитированы в этой книге, и ответил на мои бесчисленные вопросы. Хатано целиком прочел мою рукопись, снабдил ее комментариями и исправил множество ошибок, прокрававшихся в ее первую редакцию.

Мой интерес к заключительной стадии Тихоокеанской войны возник в аспирантуре, когда я посещал семинар Роберта Буту в Вашингтонском университете. Классический труд Буту «*Japans Decision to Surrender*» («Решение Японии о капитуляции»), опубликованный полвека назад, произвел на меня неизгладимое впечатление. Отчасти эта книга является запоздалой благодарностью моему учителю, который вдохновил меня заняться данной темой много лет назад.

Я благодарен Синкити Это и Такаси Сайто, моим учителям в Токийском университете, пробудившим во мне интерес к истории международных отношений, когда я был еще студентом. Мой научный руководитель в аспирантуре, покойный Дональд Тредголд, от которого я так много узнал о профессии историка, был бы рад увидеть эту книгу. Я также сожалею о том, что мой коллега и друг Сеидзабуро Сато не прожил достаточно долго, чтобы принять участие в обсуждении различных вопросов, поднятых в ней.

Роберт Скалапино, Гилберт Розман, Джон Стефан и Дэвид Холловэй оказали мне неоценимую поддержку на различных этапах работы над этим проектом.

В написании книги мне помогло слишком много друзей и коллег, чтобы я мог перечислить их всех. Но некоторые из них заслуживают отдельного упоминания. В частности, огромную поддержку оказал мне Ричард Фрэнк, с которым я расхожусь по многим вопросам. Он щедро делился со мной информацией и внимательно прочитал мою рукопись, дав к ней ценнейшие комментарии. Бартон Бернстайн из Стэнфордского университета всегда охотно отвечал на мои многочисленные телефонные звонки, некоторые из наших разговоров длились часами. Я также был счастлив, когда теплыми словами и замечаниями к этой книге со мной поделился Гар Альперовиц, являющийся идеологическим противником Фрэнка. Я очень благодарен за оказанную мне поддержку всем этим троим ученым, придерживающимся различных взглядов по такому сложному вопросу, как история атомной бомбы.

Дмитрий Славинский, сын Бориса, любезно позволил мне воспользоваться архивными данными, собранными его отцом, и также помог мне найти многие публикации и фотографии, сделанные в России. К. Е. Черевко, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, также прочел рукопись этой книги и дал к ней полезные комментарии. Кроме того, я

благодарен Эрнесту Мэю и Одду Арне Вестаду, которые прочли эту рукопись для издательства *Harvard University Press* и тоже поделились со мной ценными замечаниями.

Постоянную поддержку в работе над этой книгой мне оказывали мои коллеги и аспиранты из Центра изучения холодной войны и с факультета истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Фрэд Логеваль, работающий сейчас в Гарвардском университете, был первым человеком, предложившим мне заняться данной темой, и его поддержка и дружба невероятно помогли мне при написании этой книги. Дженнифер Си прочла рукопись моей работы и поделилась со мной ценными соображениями по целому ряду затронутых в ней тем. Кристина Циглер-Макферсон, Эрик Эссельстрём, Нобуко Котани, Тосихико Аоно и Юрий Маликов приняли участие в работе над книгой в качестве моих стажеров-исследователей. Руководство Центра междисциплинарных гуманитарных исследований и факультета истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре выделило гранты и стипендии, позволившие поддержать этот проект.

Мои бывшие коллеги по Центру славистики при Университете Хоккайдо в Японии, особенно Синъитиро Табата, оказали мне неоценимую помощь в поиске японских источников. Дискуссии, состоявшиеся у меня с японскими коллегами, – особенно с Харуки Вадой, Хироси Кимурой, Тэрюки Харой, Такаюки Ито, Нобуо Симотомай, Такаси Мураками, Нобуо Араи, Осаму Иэдой и Синдзи Ёкотэ – дали мне ценную информацию и идеи для этой книги.

Я бесконечно благодарен многочисленным библиотекарям и архивистам Национального архива в Колледж-Парке, библиотеки Гарри С. Трумэна, библиотеки Франклина Д. Рузвельта, библиотеки Джорджа Маршалла, Отдела рукописей библиотеки Конгресса, архива Гуверовского института, библиотеки Хоутона Гарвардского университета, библиотеки Стерлинга Йельского университета, отдела устной истории библиотеки Батлера при Колумбийском университете, библиотеки Мадда Принстонского университета, Специальной коллекции библиотеки Университета Клемсона, библиотечного архива и специальной коллекции Амхерст-колледжа, Государственного архива (Кью-Гарденс, Великобритания), собрания рукописей отдела военной истории Национального института оборонных исследований в Токио (Бозэи Кэнкюдзё Сэнсисицу), архива Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве. Мне исключительно повезло получить неоценимую помощь от Джона Тейлора из Национального архива, которого я считаю национальным достоянием. Я также благодарен Дэннису Билгеру из библиотеки Трумэна, который приложил огромные усилия, чтобы помочь мне в моей работе. Последней по порядку, но не по важности, я хочу поблагодарить библиотеку Дэвидсона Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, в особенности ее отдел межбиблиотечного абонемента, служивший для меня постоянным источником материалов.

Эта книга появилась на свет благодаря щедрым грантам и стипендиям, предоставленным Национальным фондом гуманитарных наук, Институтом мира США, Национальным Советом по Евроазиатским и Восточноевропейским исследованиям, Японской программой Совета по гуманитарным исследованиям, Советом международных научных исследований (IREX), Стипендиальной программой библиотеки Трумэна, Институтом глобальных конфликтов и сотрудничества Калифорнийского университета, Программой по исследованиям стран Тихоокеанского региона Калифорнийского университета и Программой по предоставлению исследовательских грантов Ученого совета Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Я также благодарен за поддержку Дэвиду Маршаллу, декану факультета гуманитарных наук и изящных искусств колледжа искусств и наук Калифорнийского университета в Санта-Барбаре; сейчас – старшему проректору Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Стив Браун, художник с факультета искусств Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, нарисовал карты для этой книги. Кэтлин Макдермотт из *Harvard University Press* заботливо вела эту книгу с того момента, как я передал ее рукопись в издательство. Кристин

Торстейнссон из *Harvard University Press* тщательно и с вниманием к деталям вычитала текст и колоссально улучшила его качество.

За все фактические ошибки и неточности, встречающиеся в этой книге, вина лежит исключительно на мне.

Моя жена Дебби многократно прочитала рукопись книги на различных этапах ее написания. На самом деле Дебби и мой сын Кеннет прожили с этим проектом много лет. Без их постоянной помощи, поддержки и любви эта книга никогда не была бы написана.

К русскому изданию

Я хочу поблагодарить Игоря Немировского из *Academic Studies Press*, который инициировал и поддержал перевод этой книги на русский язык, и *Harvard University Press*, давшее *Academic Studies Press* разрешение на русское издание «Racing the enemy». С самого выхода этой книги в свет в 2005 году я мечтал о том, чтобы она стала доступна российским читателям и ученым. Работая над этим проектом, я не имел доступа к важнейшим российским архивам, в частности к Архиву Президента РФ и военным архивам, в том числе к РГВА (Российскому государственному военному архиву), ЦАМО (Центральному архиву Министерства обороны Российской Федерации) и ЦВМА (Центральному военно-морскому архиву). Поэтому в моем тексте есть большие лакуны, относящиеся к политике СССР в отношении Японии и США на последнем этапе Тихоокеанской войны. Я приложил все усилия, чтобы восстановить ход этих событий на основе имевшихся у меня материалов. Надеюсь, что русское издание данной книги вдохновит российских ученых на то, чтобы восполнить имеющиеся в ней пробелы, обратившись к новым архивным данным, которые были мне недоступны; благодаря этому мы сможем приблизиться к ответам на многие неразрешенные вопросы.

Я благодарен Программе по предоставлению исследовательских грантов Ученого совета Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, которая выделила часть средств на грант, сделавший возможной публикацию этой книги на русском языке.

За шестнадцать лет, прошедших со времени ее первого издания, появилось огромное количество неизвестных ранее материалов, и я не имел возможности включить в настоящее издание все новые данные. Я постарался сохранить исходный текст, насколько это было возможно, ограничившись исправлением ошибок, вкравшихся в первую редакцию, и внесением правок там, где это было совершенно необходимо. Хочу особо отметить два важных источника, которыми я воспользовался при подготовке русского издания. Во-первых, это архивные материалы, собранные независимым японским ученым Рюдзи Моритой в архиве японского МИДа (*Гаймусё Гайко сирёкан*) и Британском государственном архиве в Кью-Гарденс. Я обозначил их как *Morita Files*, 1–6. С помощью этих ценных материалов я смог по-новому взглянуть на политику Министерства иностранных дел Японии и правительства Великобритании в отношении Тихоокеанской войны. Во-вторых, я не могу не упомянуть монографию о Советско-японской войне в Маньчжурии и Корее, автором которой является Такэси Томита [Tomita 2020]. На мой взгляд, его работа – лучшее из того, что было написано об этой войне; в книге Томиты было использовано огромное количество архивных источников из Японии и России и собраны устные свидетельства японских военнопленных, интернированных в Советский Союз. Включение этих новых материалов в мою книгу значительно улучшило ее качество.

Я благодарен Дарье Немцовой из *Academic Studies Press* за решение вопросов, связанных с использованием в русском издании этой книги ряда материалов, в частности карт и фотографий. Если исходные фотографии оказывались недоступны, я, с разрешения *Harvard University Press*, заменял их новыми. Я также благодарен людям и организациям, владеющим авторскими правами на эти карты и фотографии, за то, что они любезно позволили мне воспользоваться ими.

Я хочу отдельно поблагодарить своего переводчика Илью Нахмансона, который не только точно перевел мой оригинал, но и превратил его в прекрасный русский текст. Много раз он находил исходные русские цитаты, которые я использовал. Труд переводчика нередко бывает скучным и монотонным, но я получал удовольствие от каждого мига совместной работы с Ильей. Мне повезло встретить такого замечательного переводчика.

Я надеюсь, что это русское издание даст толчок к новым исследованиям и обсуждениям такой важной и противоречивой темы, как окончание Тихоокеанской войны.

Цуёси Хасэгава

Санта-Барбара, Калифорния, июнь 2021 года

Предисловие

Финишный спурт

Спустя семьдесят пять лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и капитуляции Японии мы все еще не имеем четкого представления о том, как закончилась Тихоокеанская война. Историки в США, Японии и Советском Союзе – трех ключевых странах – участницах драмы, разыгравшейся в конце этой войны, – как правило, интересовались ее частными аспектами: американцы писали об атомной бомбе, японцы о том, как император Хирохито решил прекратить сопротивление, а русские – о боевых действиях советских войск на Дальнем Востоке. Однако всю картину в целом никто так пока и не описал.

В США до сих пор не утихают споры о том, действительно ли именно атомная бомба вынудила Японию капитулировать. Огромный скандал, разразившийся в 1995 году в связи с посвященной «Эноле Гэй» выставкой в Национальном музее авиации и космонавтики в Вашингтоне, показал, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки по-прежнему являются для американцев больной темой. Однако бушевавшие тогда споры, как ни странно, носили локальный характер и почти исключительно относились к роли, сыгранной Америкой.

Драматические события, которые происходили в последние дни Тихоокеанской войны и привели к решению о капитуляции, вызывали огромный интерес и у японских историков. Однако, несмотря на множество публикаций, посвященных этой теме, нет ни одного серьезного исследования, в котором капитуляция Японии рассматривалась бы в контексте сложившегося на тот момент международного положения. Если говорить о публикациях в Японии и США, то до сих пор лучшим комплексным научным трудом, посвященным этой теме, является книга Роберта Бутоу [Butow 1954]¹.

Советские историки в послевоенное время были стеснены рамками марксизма-ленинизма. Официально утвержденная история финала Тихоокеанской войны, как он описан в советских работах, видела в нем заключительную главу Великой Отечественной войны, в которой СССР сыграл героическую роль в освобождении угнетенных народов Азии от ига японского милитаризма и империализма. Во время перестройки некоторые ученые начали смотреть на историю своей страны по-новому. Однако, несмотря на обилие новых данных, которые стали доступны исследователям после распада Советского Союза, российские историки по-прежнему придерживаются интерпретации истории, сложившейся в советский период. Исключением из этого правила являются работы Б. Н. Славинского [Славинский 1993; Славинский 1995; Славинский 1996; Славинский 1999].

Важно отметить, что как американские, так и японские историки почти полностью игнорировали роль СССР в окончании войны на Тихом океане. Конечно, вопрос о том, рассматривала ли администрация Трумэна атомную бомбу в качестве дипломатического оружия против Советского Союза, вызывает в США ожесточенные споры между ревизионистами и традиционными историками. Однако даже в этом случае речь идет по большей части о позиции Вашингтона и главным камнем преткновения является то, как именно американцы воспринимали намерения Советского Союза. В американских научных трудах об участии СССР в финальной

¹ Среди других англоязычных научных исследований следует отметить работы Леона Сигала, Ричарда Фрэнка, Роберта Пейпа и Форреста Моргана. Также заслуживают внимания две книги, написанные журналистами Лестером Бруксом и Уильямом Крэйгом. Ни в одной из упомянутых книг не уделено внимания роли Советского Союза в капитуляции Японии. Единственным англоязычным исследованием, в котором была сделана попытка оценить эту роль, является статья Юкико Косиро. Однако Косиро не использовала русскоязычные источники [Sigal 1988; Pape 1993; Morgan 2003; Brooks 1968; Craig 1967; Koshiro 2004].

стадии Тихоокеанской войны упоминается вскользь и Москве отводится в лучшем случае роль второго плана.

История международных отношений

В этой книге подробно исследуется окончание Тихоокеанской войны в контексте международного положения. Тщательному анализу подвергнуты сложные взаимоотношения между тремя основными участниками конфликта: Соединенными Штатами, Советским Союзом и Японией. В этой истории можно выделить три отдельных сюжета. Первый из них – это партнерство и соперничество Сталина и Трумэна во время войны с Японией. Хотя США и СССР были союзниками, Сталин и Трумэн не доверяли друг другу: каждый из них подозревал, что другой первым нарушит Ялтинское соглашение, регулировавшее их совместные действия на Дальнем Востоке. Потсдамская конференция 1945 года (17 июля – 2 августа) стала началом ожесточенной гонки между этими мировыми лидерами. Если для Трумэна стало совершенно необходимым провести атомную бомбардировку, чтобы вынудить Японию к капитуляции до вступления в войну Советского Союза, то для Сталина такой же первоочередной задачей стал ввод войск в Маньчжурию до того, как Япония капитулирует. В этой книге будет рассказано о том, как Потсдамская декларация, атомные бомбы и вступление СССР в войну совместно вынудили Японию к безоговорочной капитуляции.

Советско-американское соперничество продолжилось и после того, как император Хирохито согласился на безоговорочную капитуляцию 14 августа 1945 года. Когда в Москве стало известно о том, что Япония готовится капитулировать, Советский Союз не только не прекратил боевых действий на Дальнем Востоке, но и ускорил проведение этих операций; данный факт часто упускается из виду историками, пишущими об окончании Тихоокеанской войны. Уже после того, как Япония приняла условия Потсдамской декларации, Сталин отдал приказ о высадке на Курилы и Хоккайдо. В те дни, когда японцы готовились к капитуляции, Сталин и Трумэн отчаянно занимались «перетягиванием каната», борясь за превосходство на послевоенном Дальнем Востоке.

Второй сюжет этой книги – запутанные взаимоотношения между Японией и Советским Союзом, ключевыми факторами в которых стали усилия японской дипломатии и предательство СССР. Чем сложнее становилась ситуация на театре военных действий, тем больше внимания японская правящая элита уделяла отношениям с Советским Союзом. Для армии, готовой защищать родную землю до последнего патрона, было крайне важно удержать СССР от вступления в войну. Для партии мира окончание войны при посредничестве Москвы виделось единственной альтернативой безоговорочной капитуляции. В то же самое время дипломатические маневры, предпринимаемые Японией, были выгодны Сталину, так как благодаря им война на Тихом океане затягивалась достаточно долго, чтобы СССР успел принять в ней участие. Даже после опубликования Потсдамской декларации японцы продолжали надеяться на то, что при посредничестве Москвы им удастся договориться о более выгодных условиях капитуляции. Вступление СССР в войну потрясло Японию даже сильнее, чем атомные бомбардировки, потому что это означало конец всех надежд на какое-либо иное окончание боевых действий, кроме как безоговорочная капитуляция. В итоге именно страх перед возможными политическими последствиями в результате советской оккупации Японии побудил императора полностью согласиться с условиями Потсдамской декларации.

Третий сюжет – это роковое противостояние между партиями войны и мира внутри японского правительства по вопросу об условиях капитуляции. В то время как Сталин и Трумэн отчаянно соревновались в том, кто первым принудит Японию к сдаче, японские политики разделились на два непримиримых лагеря: тех, кто хотел завершить войну как можно скорее, чтобы спасти императора и императорский дом, и тех, кто хотел вступить в последний решительный бой с врагом на родной земле, чтобы сохранить японский национальный дух, воплощенный в неразрывной связи между императором и его подданными. Камнем преткновения в

этих спорах между милитаристами и миротворцами стал вопрос о толковании понятия *кокутай* – идеологического конструкта, описывающего национальную идентичность японцев. Обе стороны объясняли свои действия заботой о кокутай.

Кокутай: японская национальная идентичность

В Конституции Мэйдзи, принятой в 1889 году, император объявлялся лицом «священным и неприкосновенным» и средоточием власти: вся власть в Японии – законодательная, исполнительная и судебная – исходила от него. Также император был верховным главнокомандующим, и его полномочия превосходили полномочия правительства.

Кроме того, император символизировал собой японское национальное единство, то есть он был живым воплощением японской национальной идеи. Обязательное всеобщее образование и воинская повинность воспитали в японцах сильное чувство национальной гордости, в основе которой лежало почитание императора. Таким образом, императору принадлежала абсолютная власть в стране – политическая, культурная и религиозная. Возникшая идеология, согласно которой император являлся безусловным политическим и духовным лидером нации, получила название «кокутай»².

Несмотря на то что император в политическом и культурном отношении был центральной фигурой, лидером страны он являлся только номинально и реальной властью не обладал. Такое положение дел привело к тому, что крупнейший японский политический философ Масао Маруяма называл «системой безответственности», когда политики и министры принимали решения «от имени императора», который никак не мог повлиять на происходящее [Maruyama 1956: 7-24]. В 1930-е годы Тацукичи Минобэ, профессор конституционного права в Токийском университете, пытался превратить Конституцию Мэйдзи в современную конституционную монархию, в которой император являлся бы носителем государственной власти, чьи полномочия были бы ограничены законом. Однако сторонники Минобэ потерпели поражение в борьбе с ультра националистами, которые воспринимали кокутай не столько как политическую систему, сколько как мистическое учение. В 1937 году Министерство просвещения выпустило брошюру «Основные принципы кокутай», где император был объявлен живым богом, единым целым с Создателем императорской власти и вечной сущностью, неразрывно связанной с народом и землей Японии. С этого момента мистическая сторона кокутай была окончательно закреплена в официальной идеологии. Важнейшим элементом этого нового толкования кокутай стала идея о том, что императору принадлежит исключительное право на командование армией, и именно это дало толчок той необузданной экспансии, которую предприняли японские милитаристы в последующие годы [Suzuki M. 1993: 189–202]. Все это только укрепило позиции императора как центральной фигуры – и в политическом, и в культурном аспекте – для определения японской национальной идентичности. Изменение роли императора вызвало бы необратимые изменения и в этой идеологической конструкции.

Капитуляция Японии в Тихоокеанской войне вынудила японских политиков переосмыслить этот ключевой элемент национальной идеи. В отчаянной попытке спасти себя и императорский дом император при поддержке партии мира изменил прежнюю государственную мифологию, приспособив ее под новые обстоятельства. Вместо того чтобы, согласно традиции, оставаться всего лишь номинальным лидером страны, Хирохито лично принимал активное участие в решении о безоговорочной капитуляции. Тем самым он продемонстрировал, что не является лишь символическим воплощением японской нации. Уже тогда, в процессе принятия решения о капитуляции, а не в период оккупации, как считают многие историки, Хирохито из «живого бога» стал превращаться в «императора-человека»³.

² Подробнее см. об этом [Hellegers 2001, 1: 127–256].

³ Подробнее об участии Хирохито в принятии решений во время войны см. следующие публикации: [Yamada 1990; Yamada, Koketsu 1999; Yoshida 1996; Bix 1995; Bix 2000].

Слепые и слон

В этой книге я покажу, что Сталин был активным участником драмы под названием «Капитуляция Японии», а вовсе не находился на второстепенных ролях, как ранее полагали историки. Его макиавеллистские дипломатические переговоры с японцами, желавшими заключить мир с Великобританией и США при посредничестве Москвы, всегда были лишь ширмой, за которой он скрывал свои истинные цели. Он ставил свои условия американцам и отвечал решительными действиями на их шаги. Он вынудил Китай согласиться со своими требованиями и без колебания использовал любые дипломатические и военные методы, чтобы заполучить те территории, железные дороги и порты, которые считал своими по праву.

Также в этом исследовании дается более полная картина того, при каких обстоятельствах было принято решение об атомных бомбардировках Японии. Атомная бомба стала решением стоявшей перед Трумэном дилеммы: как добиться безоговорочной капитуляции Японии до того, как СССР вступит в эту войну. Трумэн выпустил Потсдамскую декларацию не в качестве предупреждения Японии, а для того, чтобы оправдать использование атомной бомбы. Я не согласен с общепринятой точкой зрения о том, что именно атомная бомба стала решающим доводом, лишившим японцев воли к сопротивлению. На мой взгляд, более важным фактором, вынудившим Японию капитулировать, стало вступление в войну Советского Союза⁴.

Более того, важно отметить, что на исход этой войны оказали огромное влияние кокутай и усилия группы японских советников, о которых мало говорится в трудах других историков. Хотя в прежних исследованиях уделялось много внимания роли, сыгранной в этом процессе правящей верхушкой Японии – министрами, военными, приближенными императора и некоторыми влиятельными политиками, не входившими в правительство, – мне удалось выяснить, что события разворачивались по более сложному сценарию и действия, предпринятые партией мира, были в значительной степени срежиссированы группой советников менее высокого ранга.

Наконец, в отличие от других работ, посвященных окончанию Тихоокеанской войны, в этой книге описывается бурная деятельность, проводившаяся Сталиным между 15 августа, когда Япония согласилась на безоговорочную капитуляцию, и 5 сентября, когда завершилась операция советских войск на Курилах. Капитуляция Японии побудила его дать приказ о начале боевых действий на Курилах и Хоккайдо. Если Сталин успешно прибегал как к искусству дипломатии, так и к военной силе, то Трумэну приходилось одновременно решать две задачи: как можно скорее вынудить Японию капитулировать и удержать советскую экспансию в рамках, определенных Ялтинским соглашением. В результате Сталину достались Курилы, но ему пришлось отказаться от планов оккупации Хоккайдо. Несмотря на все трения и взаимное недоверие, в конце концов оба союзника выполнили условия Ялтинского соглашения. Холодная война пока еще не началась.

Подобно слепцам, ощупывающим слона, историки описали только фрагменты сложной драмы, разыгравшейся в финале Тихоокеанской войны. Спустя семьдесят пять лет после того, как на борту линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии, эта книга дает возможность детально проследить за запутанными переговорами и хитроумными дипломатическими ходами, итогом которых стало согласие Японии на безоговорочную капитуляцию.

⁴ Подробное обсуждение историографии атомной бомбы и вступления СССР в войну на Тихом океане находится за рамками данного исследования. Всем, кто заинтересован в истории вопроса, рекомендую ознакомиться с работами Бернштейна и Уокера [Bernstein 1995c; Walker 2005].

Глава 1

Трехсторонние отношения и Тихоокеанская война

Днем 13 апреля 1941 года СССР и Япония подписали пакт о нейтралитете, а вечером того же дня по этому поводу в Кремле был устроен прием для японского министра иностранных дел Ёсукэ Мацуоки. Они встретились и на следующий день. Сталин – что случилось исключительно редко – приехал на Ярославский вокзал, чтобы лично проводить Мацуоку. Он обнял и поцеловал японского министра, позаботившись о том, чтобы этот момент был запечатлен фотографом. Мацуока произнес: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой». Сталин ответил: «Моя голова важна для моей страны. Так же, как ваша для вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах». Затем он добавил: «Вы азиат. Я тоже азиат». «Мы все азиаты, – откликнулся Мацуока, – давайте выпьем за азиатов». Вся сцена была продумана в мельчайших деталях и должна была продемонстрировать как японцам, так и присутствовавшему на вокзале послу Германии важность для СССР заключенного пакта [Lensen 1972: 19; Nishi 1987: 1–3].

Даже краткого взгляда на непростую историю русско-японских отношений с конца XIX века достаточно, чтобы по достоинству оценить это беспрецедентное проявление дружеских чувств. Однако важно учитывать еще и тот факт, что взаимоотношения России и Японии были тесно переплетены с интересами еще двух мировых держав: США и Китая. Воспользовавшись слабостью Китая, Россия в середине XIX века захватила обширные территории к северу от Амура и к западу от Уссури. В 1860 году русскими был основан порт Владивосток, ставший воротами Российской империи на Тихом океане. Затем Россия планировала расширить зону своего влияния, включив в нее Маньчжурию и Корею. Однако тут она столкнулась с Японией – грозным соперником, который, вступив в 1868 году в эпоху модернизации, начал собственную империалистическую экспансию, претендуя на соседние территории. Агрессивная политика Японии в Корее вскоре вызвала гнев Китая, являвшегося номинальным сюзереном этого закрытого для внешнего мира государства, и в 1894 году между двумя азиатскими странами разгорелась война. Япония разгромила Китай, который был вынужден уступить победителю Тайвань, Пескадорские острова (теперь – острова Пэнху) и Ляодунский полуостров в Маньчжурии, а также признать независимость Кореи. Теперь у Японии появился плацдарм на азиатском континенте (см. карту 1).

Карта 1. Япония в Тихоокеанской войне

Встревоженная японской экспансией в Азию Россия убедила Германию и Францию вынудить японцев вернуть Китаю захваченный ими Ляодунский полуостров. Кроме того, в 1890-е годы Россия начала строительство через Маньчжурию Китайско-Восточной железной дороги до Владивостока. Еще сильнее Япония была унижена в 1898 году, когда Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров и получила концессию на строительство Южно-Маньчжурской железной дороги, соединившей КВЖД с незамерзающим портом Дайрен (до Русско-японской войны – Дальний, теперь – Далянь) и военно-морской базой Порт-Артур. Столкновение между Россией и Японией было неизбежно.

Когда в 1900 году разразилось Боксерское восстание против иностранного вмешательства в дела Китая, Россия и Япония направили в Цинскую империю крупные экспедиционные силы. Вопреки протестам японцев, после подавления восстания русские не только не стали выводить свои войска из Китая, но и начали перебрасывать туда по Транссибирской магистрали подкрепления. В 1902 году, когда отношения между Россией и Японией ухудшились еще сильнее, Япония заключила союз с Англией, обретя таким образом могущественного сторонника. В феврале 1904 года Япония разорвала отношения с Россией и неожиданно напала на русскую эскадру в Порт-Артуре – за два дня до официального объявления войны. Началась осада Порт-Артура, который капитулировал в январе 1905 года. Японская армия форсировала реку Ялу, вторглась в Маньчжурию и в марте заняла Мукден. Последняя надежда России оставалась на Балтийский флот, который, пройдя полмира, должен был атаковать Японию. Однако японский флот, подстергший русские корабли в Цусимском проливе, уничтожил Вторую Тихоокеанскую эскадру в однодневном морском сражении. Россия проиграла войну. По Портсмутскому договору, заключенному при посредничестве Теодора Рузвельта в 1905 году, Япония получила южную часть Сахалина и северный отрезок ЮМЖД от Порт-Артура до Чанчуня. Японская империя постепенно превратила Маньчжурию в свою фактическую колонию, направляя туда японских поселенцев, которые вытеснили местное китайское население. После того как был создан этот колониальный форпост, его необходимо было защитить от возможных

посягательств со стороны русских. В 1919 году японский гарнизон в Маньчжурии был преобразован в Квантунскую армию (см. карту 1).

Поражение в войне с Японией стало для России тяжелым ударом [Haslam 1992: 1]. Россия не только удостоилась сомнительной чести стать первой великой европейской державой, потерпевшей поражение от неевропейской страны, но и была вынуждена уступить Японии Южный Сахалин, являвшийся частью территории Российской империи. Кроме того, были потеряны стратегически важные Дайрен и Порт-Артур. Унижение от поражения в этой войне не прошло и после Октябрьской революции.

Впрочем, после окончания войны отношения между Россией и Японией довольно скоро улучшились; этому помогли три конвенции (1907, 1910 и 1912 годов), на которых был произведен раздел сфер влияния. Внешняя Монголия перешла под протекторат России, а Япония аннексировала Корею. Маньчжурия была разделена пополам: южная часть оказалась в сфере влияния Японии, а северная – России. Также эти конвенции имели целью закрыть доступ в Маньчжурию для других западных стран, особенно США, которые прилагали активные усилия, чтобы за счет торговых и экономических связей укрепить свои позиции в этом регионе под прикрытием политики открытых дверей.

Первая мировая война дала Японии возможность продолжить территориальную экспансию в Китай. Воспользовавшись тем, что все великие страны были заняты войной в Европе, японцы атаковали принадлежавший Германии Циндао и предъявили Китаю позорный список из 21 требования. Все крупные мировые державы выразили возмущение столь наглым поведением Японии. Только Россия воздержалась от участия в общем протесте, рассчитывая, что своим молчанием заслужит благодарность Японии, которая не станет нападать на русскую часть Маньчжурии. В 1916 году Россия с Японией заключили союз, по которому обязались помогать друг другу, если какая-либо третья страна станет посягать на сферу влияния одного из союзников.

Однако Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война привели к ухудшению русско-японских отношений. Япония, как и США, направила на Дальний Восток экспедиционный корпус, который должен был оказывать поддержку антибольшевистским силам. Однако Япония была более заинтересована в захвате новых территорий, чем в борьбе с коммунизмом как таковым: японцы планировали не только вторгнуться в Северную Маньчжурию, но и продвинуться вглубь Сибири и оккупировать Северный Сахалин. Сибирская интервенция привела к тому, что отношение советского государства к Японии стало резко враждебным; русские укрепились в своем подозрении, что Япония всегда была готова нанести им удар. Общественное возмущение, вызванное Сибирской интервенцией, наложилось на унижение, испытанное после поражения в Русско-японской войне; все это привело к массовому росту сильных антияпонских настроений.

Если условия послевоенного порядка в Европе были прописаны в Версальском мирном договоре, то система международных отношений на азиатском континенте была оформлена на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов. В рамках Вашингтонской системы Япония, Великобритания и США согласились на сокращение военно-морских флотов, а также подписали «Договор девяти держав», который гарантировал суверенитет и территориальную целостность Китая. Советская Россия при этом была исключена из Версальско-Вашингтонской системы. Оставшись в изоляции, Советское государство было вынуждено своими силами сдерживать японскую экспансию. По договору, заключенному с Дальневосточной республикой – марионеточным буферным государством, созданным Советским Союзом, Япония в конце концов согласилась вывести свои войска со всех советских территорий, за исключением Северного Сахалина. Испытывая неуверенность в отношениях с западными державами и подвергаясь все большей критике дома из-за огромных расходов, связанных с продолжением интервенции, японское правительство сочло разумным восстановить приемлемые взаимоотношения с

Советским Союзом, договорившись о новом разделе сфер влияния в Маньчжурии. Согласно советско-японской конвенции 1925 года между странами были установлены дипломатические отношения. Япония наконец вывела войска с территории Северного Сахалина, получив взамен концессии на добычу нефти.

Япония вторгается в Маньчжурию

Японское вторжение в Маньчжурию в 1931 году стало началом новой эры на Дальнем Востоке. В 1932 году японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-го. В 1933-м Япония вышла из состава Лиги Наций. В 1934-м она объявила о денонсации Вашингтонского морского соглашения 1922 года. Несмотря на наглую агрессию Японии, открыто бросившей вызов Вашингтонской системе, реакция западных стран на эти действия была весьма сдержанной. Британское правительство не спешило принимать меры против Японии, так как возможная советско-японская война была в его интересах. Франклин Делано Рузвельт, ставший президентом в 1933 году, в первые годы своего правления был поглощен внутренними проблемами и недостаточно четко представлял себе контуры нового международного положения на Дальнем Востоке¹.

Вторжение японцев в Маньчжурию и последовавшая за этим аннексия поставили Советский Союз в сложное положение. СССР, все еще находившийся в дипломатической изоляции, вынужден был своими силами справляться сугрозой, исходившей от Японии, где все большую власть приобретали милитаристы. Первой линией обороны была политика умиротворения. Во время японского вторжения Советы сохраняли полный нейтралитет. Хотя Япония несколько раз отвергала предложения СССР заключить пакт о ненападении, советское правительство договорилось с японцами о продаже КВЖД. Эта сделка была заключена в 1935 году.⁵

В период между 1933 и 1937 годами международная обстановка на Дальнем Востоке оставалась неопределенной. Японское правительство, возглавляемое министром иностранных дел (а затем и премьер-министром) Коки Хиротой, пыталось установить новый международный порядок, который закрепил бы де-юре все то, что получила Япония в результате своей агрессии. Национальное правительство Китайской республики было расколото из-за ситуации с Японией: партия мира, к которой присоединился Чан Кайши, конфликтовала с партией сторонников войны, руководимой его шурином Сун Цзывеном. Ситуация осложнялась еще и тем, что в эти годы Национальное правительство тесно сотрудничало с нацистской Германией, которая даже посылала в Китай оружие и военных советников. Великобритания не могла сделать выбор между политикой умиротворения и конфронтацией с Японией. Американцы, хотя они и были более встревожены японской экспансией, чем британцы, по большей части проявляли пассивность.

Военная угроза со стороны Японии на Востоке и подъем нацистской Германии на Западе вынудили Кремль избрать новую внешнюю политику и искать сотрудничества с западными державами. В 1933 году СССР добился официального признания со стороны США, а в 1934-м вступил в Лигу Наций. В 1935-м Коминтерн, международная коммунистическая организация, за которой стояла Москва, объявил о создании Единого фронта для борьбы с фашизмом. Однако установление дипломатических отношений с США не привело к созданию коалиции с западными странами против Японии. Непреодолимым препятствием на пути к дальнейшему улучшению отношений с Соединенными Штатами стал вопрос о внешнем долге царского правительства, аннулированном большевиками после революции. Британское правительство, возглавляемое канцлером казначейства Невиллом Чемберленом и премьер-министром Стэнли Болдуином, вместо сотрудничества с СССР предпочло установить «постоянные дружеские отношения» с Японией, признав Маньчжоу-го. В такой ситуации у Советского Союза оставалась только одна возможность защитить себя от потенциальной японской агрессии: опираться на военную мощь, демонстрируя ее в приграничных инцидентах.

⁵ Подробно об американо-японских отношениях в межвоенный период см. у Акиры Ириэ [Iriye 1987]. См. также [Nihon kokusai gakkai 1963]. О советско-японских отношениях см. [Haslam 1992].

Москва стала существенно увеличивать свое военное присутствие на Дальнем Востоке. В 1931 году Квантунская армия намного превосходила Красную армию по численности, но к 1939 году ситуация изменилась коренным образом. В 1932-м был создан Тихоокеанский флот. В 1937-м было завершено строительство второй колеи Транссиба. Также СССР начал возводить защитные сооружения вдоль границы Маньчжурии и Приморья.

Пока в СССР спешными темпами укрепляли маньчжурскую границу, командование японской армии активно продвигало идею войны с русскими. Генерал Садао Араки, военный министр с 1931 по 1934 годы, неоднократно заявлял, что война с Советским Союзом является национальной задачей Японии. Однако эта точка зрения встретила сопротивление со стороны командования военно-морского флота, которое выступало за войну с США и Великобританией. В августе 1936 года правительство Японии и Императорская Ставка сформулировали три основных принципа новой внешней политики Японии: сохранение положения Японии на азиатском континенте; предотвращение советской экспансии в Азию и продвижение на юг. Именно эти принципы в итоге и определили стратегию Японии в Тихоокеанской войне. При этом СССР по-прежнему однозначно воспринимался ею как враждебное государство. В 1936 году Япония заключила Антикоминтерновский пакт с Германией. В секретном протоколе к этому пакту говорилось, что если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с Советским Союзом, то вторая обязуется соблюдать нейтралитет. Этот пакт, заключенный через месяц после создания оси Берлин – Рим, означал, что Япония вплотную приблизилась к коалиции со странами «оси».

Вторая японо-китайская война, начавшаяся в июле 1937 года, вынудила многие страны отказаться от прежней политики невмешательства. Японские войска быстро продвигались вглубь Китая, и в октябре президент Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой заявил о необходимости «подвергнуть карантину» тех, кто «распространяет эпидемию мирового беззакония». В тот момент Рузвельт впервые дал понять, что США готовы отказаться от политики изоляционизма. В ноябре японцы атаковали отступившие войска Национального правительства в Нанкине и, захватив город, устроили страшную резню. Эта чудовищная жестокость вызвала возмущение во всем мире и привела к еще большей международной изоляции Японии. В 1938 году Рузвельт инициировал создание морского альянса между Великобританией и США для проведения совместных операций против Японии и перевел значительную часть флота на Тихий океан. Кроме того, он одобрил заем для Национального правительства Китая в его борьбе с японской интервенцией. Соединенные Штаты становились главным препятствием на пути японской военной экспансии. Если США все яснее давали понять, что не будут мириться с агрессией Японии в Азии, то Германия, много лет оказывавшая помощь Китаю, перестала поддерживать Чан Кайши и объявила о признании Маньчжоу-го. Теперь между странами «оси» и коалицией западных союзников была проведена четкая черта. Вопрос был в том, чью сторону займет Советский Союз.

Для СССР Японо-китайская война была даром свыше. Чем сильнее увязала Япония в противостоянии с Китаем, тем меньше была вероятность того, что она нападет на Советский Союз. На раннем этапе Японо-китайской войны Советы были самым надежным союзником Китая; они заключили пакт о ненападении с Национальным правительством и поставляли в Китай оружие, самолеты и танки для борьбы с японской интервенцией.

С 1937 года СССР все жестче стал реагировать на приграничные инциденты с участием японцев. В 1938 году между русскими и японцами произошла серия боев у озера Хасан рядом с корейской границей. В 1939-м состоялась полномасштабная боевая операция на реке Халхин-Гол, по которой проходила граница между Монголией и Маньчжурией, завершившаяся победой советских солдат. Это поражение оказало отрезвляющий эффект на японское военное командование. Стало понятно, что война с СССР потребует тщательного планирования и формирования на границе с Советским Союзом огромной армии.

Заключение пакта о нейтралитете

Когда началась Вторая мировая война, оказалось, что в стратегических интересах обеих стран было временно отказаться от враждебных действий по отношению друг к другу. Мюнхенская конференция 1938 года убедила Сталина в том, что единственным шансом избежать войны на советской земле станет подписание пакта о ненападении с нацистской Германией. Однако даже несмотря на этот пакт, к концу 1940 года отношения между СССР и Германией ухудшились настолько, что безрадостная перспектива вторжения немцев в пределы Советского Союза становилась все более ощутимой. Для того чтобы избежать войны на два фронта, Сталину было необходимо заручиться нейтралитетом Японии.

Для японцев подписание пакта Молотова – Риббентропа стало шоком. Однако они быстро решили извлечь выгоду из стремительно меняющегося международного положения и в 1940 году заключили Тройственный пакт с Германией и Италией. Мацуока провозгласил, что этот пакт означает создание «военного союза против США». Мацуока, бывший тогда министром иностранных дел, лелеял грандиозный план создания антизападного союза, членами которого были бы Германия, Италия, Япония и СССР. С этой целью он в марте и апреле 1941 года посетил Москву, Берлин и Рим. Во время пребывания в Москве он договорился со Сталиным и Молотовым заключить пакт о нейтралитете. Однако переговоры проходили далеко не гладко. В какой-то момент Сталину пришлось лично вмешаться в этот процесс, а Мацуока обещал отказаться от нефтяных концессий на Северном Сахалине [Славинский 1995: 66-135].

Согласно пакту о нейтралитете обе страны обязались поддерживать «мирные и дружественные отношения» и взаимно уважать территориальную целостность. Кроме того, в случае нападения на одну из сторон какой-либо третьей державы другая сторона должна была соблюдать нейтралитет «в продолжение всего конфликта». Договор был заключен на пять лет с момента ратификации, и в нем говорилось, что если «ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет» [Lensen 1972: 278; Славинский 1995: 102–114]. Пакт был ратифицирован обеими сторонами и вступил в силу 25 апреля 1941 года. Так начался «странный нейтралитет» между Советским Союзом и Японией.

В Соединенных Штатах внешняя политика Японии вызывала беспокойство. После Мюнхенской конференции 1938 года в администрации Рузвельта стало расти влияние сторонников жестких мер, направленных против японцев. Однако угроза национальной безопасности США исходила как из Азии, так и из Европы. После того как Великобритания оказалась один на один с нацистской Германией в героической Битве за Британию, абсолютный приоритет для Рузвельта приобрела ситуация в Европе. Во второй половине 1940 года правительство США приняло закон об обязательном призыве и заключило с Великобританией соглашение о военной помощи. В ответ на японскую агрессию в Северном Индокитае США наложили эмбарго на вывоз в Японию железа и металлолома.

В марте 1941 года Конгресс США принял Закон о ленд-лизе, по которому президент получил право оказывать военную помощь Великобритании и другим странам, чья оборона признавалась жизненно важной для Соединенных Штатов. В то же самое время США продолжали внимательно следить за Японией. Положение дел на Дальнем Востоке было тесно связано с ситуацией в Европе. Если бы Германия напала на Советский Союз – а советники Рузвельта считали, что так и будет, – ослабление или поражение потенциального союзника было бы для США крайне нежелательно. Поэтому в правительстве Рузвельта новость о заключении советско-японского пакта о нейтралитете восприняли со смешанными чувствами. Это соглашение явно означало, что японцы продолжают свою экспансию на юг, что, в свою очередь, увеличивало вероятность войны Японии с США. Однако Вашингтон никак не дал понять, что разочарован

этим пактом. В США были более обеспокоены нависшей над СССР угрозой немецкого вторжения, чем ситуацией на Дальнем Востоке [Ozawa 1993: 65–66; Iriye 1999: 6–9; Iriye 1987].

Подписание пакта о нейтралитете совпало с формированием антияпонской «коалиции ABCD»⁶, целью которой было остановить японскую экспансию в Азии и поддержать Китай в войне с Японией. США все же хотели избежать войны и потому продолжали вести с Японией дипломатические переговоры. Однако условия сохранения мира в Азии, на которых настаивал госсекретарь США Корделл Халл, а именно уважение к территориальной целостности других стран, мирное изменение статус-кво и вывод японских войск из Китая, входили в прямое противоречие с той задачей, которую ставили перед собой японцы: создание Великой восточно-азиатской сферы процветания.

22 июня 1945 года, менее чем через два месяца после ратификации пакта о нейтралитете, Германия напала на Советский Союз. Это положило конец мечтам Мацуоки о том, чтобы завлечь СССР в блок стран «оси», противостоящий англо-американской коалиции. Рузвельт принял ключевое решение, согласно которому вся дипломатическая и военная политика США должна была основываться на предположении, что Советский Союз в конечном итоге победит в войне с Германией. Именно поэтому программа ленд-лиза была распространена и на СССР. Таким образом, еще до того, как США вступили во Вторую мировую войну, был заложен фундамент для создания «Большой тройки», в которую войдут Соединенные Штаты, Великобритания и СССР [Sherwood 1948: 323–348].

Немецкое вторжение в Советский Союз вызвало в Японии переполох. Правительство оказалось поставлено перед выбором: начать экспансию на север и вступить в войну с СССР в союзе с немцами или продолжить продвижение на юг, что означало войну с Соединенными Штатами. 24 июня командование армии и флота приняло решение «пока что не вмешиваться в немецко-советскую войну», но при этом «принять тайные военные приготовления для односторонних действий и в дальнейшем использовать силу для решения северного вопроса и обеспечения безопасности на севере, если немецко-советская война примет исключительно благоприятный оборот для империи» [Hosoya 1985: 312]. На встрече 25 июля было решено ждать подходящего момента, чтобы, как при сборе хурмы, спелые плоды сами упали на землю⁷. Память о поражении при Халхин-Голе была еще слишком свежа, и японские генералы не горели желанием очертить голову ввязываться в войну с СССР.

Всего через два месяца после того, как Мацуока поклялся своей головой, что будет верен пакту о нейтралитете, японский министр выступил за войну с Советским Союзом. На Совместном совещании правительства с Императорской Ставкой, которая в то время являлась высшим органом руководства Японии, Мацуока настаивал на том, что Япония должна незамедлительно напасть на СССР и временно остановить экспансию на юг. Однако остальные участники совещания считали, что время для войны с русскими еще не пришло. Начальник Генштаба Хадзимэ Сугияма рекомендовал занять выжидательную позицию, пока Германия не обеспечит себе решающий перевес в войне с СССР. Япония должна была терпеливо ждать, пока Советский Союз, подобно спелой хурме, сам не упадет на землю к ее ногам [Lensen 1972: 24–25; Славинский 1995: 120–121]⁸.

⁶ Названа по первым буквам стран-участниц: США (American), Великобритании (British), Китая (Chinese) и Нидерландов (Dutch).

⁷ Сравнение со сбором хурмы было сделано Сато Кенрио, начальником бюро [Sanbo honbu 1989b: 134].

⁸ Подробнее о Совместных совещаниях см. [Sanbo honbu 1989b: 225–227, 240–253]. После начала Второй мировой войны Япония перешла на максимально централизованную систему руководства. Роль правительства в принятии решений уменьшилась, и главным руководящим органом страны стало Совместное совещание, в состав которого входили начальники штабов армии и флота, министр армии, министр флота, премьер-министр, министр иностранных дел и еще несколько важных членов кабинета.

Наконец 2 июля на императорском совещании было принято решение продолжить наступление на юг, при этом внимательно следя за ситуацией на немецко-советской войне. При благоприятном развитии событий Япония готова была нанести удар по Советскому Союзу. Под предлогом «особых маневров» была проведена полномасштабная мобилизация Квантунской армии на маньчжурской границе. Численность японских войск в Маньчжурии почти удвоилась – с приблизительно 400 тысяч человек до 700 тысяч⁹.

Кремль с тревогой ожидал реакции Японии на начало войны СССР с Германией. Мацуока заявил послу СССР в Токио К. А. Сметанину, что для Японии приверженность Тройственному пакту обладает приоритетом по сравнению с соблюдением пакта о ненападении с Советским Союзом. Однако это бряцание оружием противоречило решению Совместного совещания, и премьер-министр Фумимаро Коноэ в итоге снял Мацуоку с занимаемой должности. Новый министр иностранных дел Японии, Тэйдзиро Тоёда, заверил Сметанина, что Япония будет неукоснительно соблюдать пакт о нейтралитете. Впрочем, несмотря на эти заверения японцев, Сталин опасался, что Япония может нанести неожиданный удар по СССР, и приказал командованию Дальневосточного военного округа воздержаться от любых действий, могущих спровоцировать японцев на нападение. Рихард Зорге, резидент советской разведки, входивший в состав немецкого посольства в Токио, посылал в Москву важнейшие сведения. Зорге предупреждал Кремль, что Япония может напасть на Советский Союз без объявления войны. Он также докладывал, что Германия оказывает постоянное давление на Токио, убеждая японцев начать военные действия против СССР. Обладая всей этой информацией, Сталин не решался массово перебрасывать боевые части с Дальнего Востока на европейский театр военных действий, чтобы не ослабить оборону Приморья и Сибири. Только в октябре Зорге передал в центр отчет, в котором высказал убежденность, что Япония не нападет на Советский Союз – по крайней мере в этом году [Hosoya 1985: 321–323; Pegov 1985–1986: 33–36]¹⁰.

В конце концов хурма на землю так и не упала. Японская оккупация Французского Индокитая в июле 1941 года привела к тому, что правительство Рузвельта заморозило японские активы в банках США. Военное министерство создало на Филиппинах новую группу войск – Дальневосточные силы американской армии, для командования которыми на активную службу был вновь призван бывший начальник штаба армии США Дуглас Макартур. Затем США наложили на Японию нефтяное эмбарго. В августе после переговоров, прошедших у побережья Ньюфаундленда на борту тяжелого крейсера «Огуста», Рузвельт и Черчилль приняли Атлантическую хартию, в которой были обозначены цели Великобритании и США в текущей войне, в частности запрет на территориальную экспансию и восстановление «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». Эти принципы, которые в первую очередь относились к ситуации в Европе, были затем применены и в отношении Азии [Sherwood 1948: 349–365].

Коноэ отчаянно пытался избежать войны с США. Даже тогда, когда японское военное командование уже готовилось к нападению на Соединенные Штаты, он предложил Рузвельту встретиться на высшем уровне. В августе адмирал Исороку Ямамото завершил разработку плана неожиданной атаки на Тихоокеанский флот ВМС США в Перл-Харборе. В сентябре на императорском совещании была принята резолюция о том, что, если разногласия с США не удастся разрешить дипломатическими средствами, Япония вступит в войну с Соединенными Штатами и Великобританией. Переговоры между госсекретарем Корделлом Халлом и японским послом в Вашингтоне зашли в тупик из-за вопроса о выводе японских войск из Китая. В конце концов встреча между Коноэ и Рузвельтом так и не состоялась.

⁹ См. [Nihon gaiko 1966: 531–532; Sanbohonbu 1989b: 260; Hosoya 1985:315–321;Lensen 1972: 26–27; Nishi 1960: 231].

¹⁰ Отчеты Зорге см. в [ВО 1997–2000, 1]. Документы № 148–152, 154, 157–162, 164–166,168,170,172 и 174. С. 179–181,182–183,158–189,189–190,191–194,196.

В октябре кабинет Коноэ подал в отставку, и премьер-министром стал генерал Хидэки Тодзё. 26 ноября послу Японии в США была представлена «нота Халла», которая фактически являлась ультиматумом, положившим конец попыткам дипломатического разрешения конфликта между Японией и США. Война против американцев стала неизбежной. Всего через день после получения «ноты Халла» министр иностранных дел Японии Сигэнори Того проинструктировал посла в Берлине Хироси Осиму передать Гитлеру и министру иностранных дел Германии Риббентропу, что Япония не будет нападать на Советский Союз. Получив эти сведения, Сталин смог перебросить с Дальнего Востока на оборону Москвы хорошо обученные дивизии.

Подойдя незамеченным к Гавайям, японский флот 7 декабря атаковал базу Тихоокеанского флота США в Перл-Харборе. Рузвельт немедленно объявил войну Японии. Гитлер, в свою очередь, объявил войну США, в результате чего американцы оказались втянуты в боевые действия не только на Тихом океане, но и в Европе. Такое развитие событий не могло не радовать Сталина. Война с США, безусловно, делала еще менее вероятным нападение японцев на СССР [Kennedy 1999: 515–522].

Трехсторонние отношения между СССР, США и Японией были весьма странными. Для того чтобы вести войну с американцами, Япония была заинтересована в соблюдении пакта о нейтралитете с Советским Союзом. Сталин был столь же сильно заинтересован в сохранении этого нейтралитета, для того чтобы сосредоточить все усилия на борьбе с Германией. Отношения, существовавшие между СССР и Японией в период с 1941 по 1945 годы, Джордж Александр Ленсен охарактеризовал как «странный нейтралитет». В то время как русские воевали с немцами, которые являлись союзниками Японии, Япония находилась в состоянии войны с США, которые вместе с СССР состояли в антигитлеровской коалиции. Торгово-транспортные суда под советским флагом доставляли тихоокеанским маршрутом в СССР поставки по ленд-лизу. Некоторые из этих военных грузов попадали в Китай, а другие впоследствии использовались в войне с Японией. Некоторые американские легчики после бомбардировок японских объектов скрывались от преследования на советской территории. СССР, в свою очередь, обвинял Японию в оказании военной помощи Германии и в том, что японцы передавали немцам по дипломатическим каналам ценную военную информацию. Таким образом, нейтралитет, существовавший между Японией и Советским Союзом, представлял собой непрочный мир, продолжавшийся только до тех пор, пока это было стратегически выгодно обеим сторонам [Deane 1946; May 1955: 154; Stephan 1974: 144]¹¹.

8 декабря, на следующий день после нападения японцев на Перл-Харбор, Рузвельт и Халл потребовали у советского посла М. М. Литвинова, чтобы СССР объявил войну Японии. 11 декабря Молотов дал указание Литвинову ответить американцам, что Советский Союз, находясь в состоянии войны с Германией, не будет вступать в войну с Японией, соблюдая условия пакта о нейтралитете. Однако было бы ошибкой думать, что Сталин в то время не вынашивал планов войны с японцами. Всего через 10 дней после того, как Литвинов отклонил требование Рузвельта, Сталин сообщил министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену, что СССР в конечном итоге присоединится к войне с Японией, что на переброску войск с европейского театра военных действий на Дальний Восток потребуется всего четыре месяца и что лучшим вариантом развития событий будет тот, при котором Япония сама окажется спровоцирована на нарушение пакта о нейтралитете. В конце декабря заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский направил Сталину и Молотову докладную записку, в которой высказал свои соображения по поводу внешней политики СССР после войны. В этом документе заслуживают внимания два пункта. Во-первых, он предвидел, что главным противостоянием после-

¹¹ Подробнее о взаимоотношениях между СССР и Японией во время Второй мировой войны см. [Lensen 1972: 35–77; Славинский 1995: 174–175, 301–303].

военного мира будет конфликт между Советским Союзом и капиталистическими странами. Во-вторых, что первоочередной задачей СССР будет обеспечение собственной безопасности. Лозовский писал, что нельзя терпеть положение дел, при котором японские корабли могут отрезать СССР от Тихого океана, закрыв пролив Лаперуза, Курильские проливы и Сангарский пролив (теперь – пролив Цугару). Поразительно, что даже в эти мрачные дни, когда на Москву продолжали наступать немецкие дивизии, Сталин и его советники по внешней политике уже строили планы нападения на Японию¹².

В январе 1942 года на Совместном совещании были приняты «Основополагающие принципы ведения войны». Япония планировала какое-то время «поддерживать мир с Советским Союзом, чтобы предотвратить укрепление отношений между СССР и его англо-американскими союзниками и разделить эти два лагеря». Стоит, однако, отметить, что за этим поддержанием мира скрывались планы нападения на СССР при первом удобном случае. 10 июля 1942 года Риббентроп потребовал от Японии вступить в войну с Советским Союзом, но японское правительство отклонило это требование. Генерал-майор Кэнрё Сато, начальник бюро по военным вопросам Министерства армии, заявил, что «спелая хурма еще не упала на землю» [Hayashi 1958: 189–190, 195–196].

После первых военных успехов фортуна отвернулась от японцев. Они проиграли крупное морское сражение у атолла Мидуэй в июне 1942 года, а затем еще и битву за Гуадалканал в феврале 1943-го, которая по времени совпала с победой советских войск под Сталинградом. Новое положение дел вынуждало Японию пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза.

¹² О переговорах между СССР и США см. [САО 1984: 144–145]. О разговоре между Сталиным и Иденом см. [Ржешевский 1994:105,118]. Записка Лозовского была опубликована в статье «Заняться подготовкой будущего мира» // Источник. 1995. № 4. Док. 1. С. 114–115. См. также [Yokote 1998: 206].

Переход к политике умиротворения

В феврале 1943 года, когда стало очевидно, что немцы потерпели поражение в Сталинградской битве, посол Японии в Москве Наотакэ Сато призвал японское правительство улучшить отношения с СССР за счет отказа от нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине и заключения соглашения о рыбной ловле. В апреле 1943 года министром иностранных дел стал ветеран японской дипломатии Мамору Сигэмицу, решивший последовать рекомендациям Сато. Назначение Сигэмицу имело важнейшие последствия для будущих дипломатических маневров, целью которых было заключение мира. Министр – хранитель печати и самый близкий советник Хирохито маркиз Коити Кидо был старым другом Сигэмицу, и вместе они стали вынашивать тайные планы завершения войны [Morishima 1975: 164; Lensen 1972: 108–109]. Однако, зная, что Хирохито по-прежнему доверяет Тодзё и проводимой им военной политике, Кидо не спешил организовывать встречу дзюсинов (коллегия бывших премьер-министров Японии) с императором.

19 июня на Совместном совещании была утверждена новая политика в отношении Советского Союза. Теперь она была направлена на то, чтобы «поддерживать мир между Японией и СССР» и «заставить СССР строго придерживаться пакта о нейтралитете». Для этого Япония выразила готовность передать Советскому Союзу нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине, выполнив наконец обещание, которое Мацуока дал Сталину еще до заключения этого пакта. Переговоры начались в июне 1943 года.

Задачей-минимум было удержать Советский Союз от вступления в войну с Японией, а при удачном развитии событий наладить с Москвой более продуктивные и доверительные отношения. СССР начал занимать в японской военной и внешней политике центральное место. 10 сентября Сигэмицу поручил Сато прозондировать почву на предмет возможности отправки в Москву чрезвычайного и полномочного посла, который передал бы пожелания японской стороны установить более теплые отношения между странами. Однако, как и предсказывал Сато, Молотов ответил на это, что СССР не готов принять такого посла: не только потому, что цель его визита была бы не вполне ясна, но и из-за того, что этот визит был бы расценен как попытка Токио выступить посредником в заключении мира между СССР и Германией. 25 сентября на Специальном совещании были приняты «Основы будущей военной доктрины», в которых нейтралитет Советского Союза был объявлен непременным условием продолжения войны с США и Великобританией. Японское правительство перешло к политике умиротворения [Shusen shiroku 1977,1: 77–94]¹³. Ситуация изменилась на 180 градусов. Теперь уже СССР ждал, когда спелая хурма упадет на землю к его ногам.

Кремль быстро приостановил переговоры о сахалинских концессиях и правах на вылов рыбы, когда японский флот захватил три судна под советскими флагами, на которых находился груз, отправленный по ленд-лизу. Хотя правительство и Совместное совещание признавали, что поставки по ленд-лизу являются пустяком по сравнению с необходимостью улучшения отношений с Советским Союзом, они не могли оперативно решить разногласия по этому вопросу с Генштабом военно-морского флота. Москва воспользовалась этим инцидентом для того, чтобы бессрочно заморозить отношения с Японией. К тому моменту, когда в ноябре ситуация с захватом советских судов была разрешена, СССР уже принял участие в Московской конференции министров иностранных дел и Тегеранской конференции, укрепив свои связи с союзниками по антигитлеровской коалиции. Переговоры по сахалинским концессиям и соглашению о рыболовстве возобновились в ноябре 1943 года, но завершились только в марте 1944-

¹³ См. также: Nishihara M. Shusen no ken (машинописный отчет, составленный Нисихарой), BKSS. Vol. 1.

го. Япония потеряла на этом девять драгоценных месяцев [Morishima 1975: 172–173, 175–177; Lensen 1972: 61–73, 78–104].

Рузвельт требует безоговорочной капитуляции

В январе 1943 года на пресс-конференции в Касабланке Рузвельт объявил, что союзники будут требовать безоговорочной капитуляции стран «оси» [Villa 1976: 70]¹⁴. Само понятие «безоговорочная капитуляция» возникло отчасти благодаря полученному после Первой мировой войны опыту, когда было заключено перемирие и поражение Германии породило теорию заговора, получившую название «удар ножом в спину», отчасти из-за желания выкорчевать фашизм, нацизм и милитаризм, а отчасти для того, чтобы теснее сплотить участников антигитлеровской коалиции. Под безоговорочной капитуляцией Рузвельт понимал не только собственно военную капитуляцию, но и уничтожение философии, сделавшей возможными милитаризм и территориальную экспансию. Более того, победитель получал право диктовать свою волю побежденным до тех пор, пока «миролюбивые» нации не будут полностью убеждены, что поверженный противник не представляет более угрозы их мирному существованию. По словам Уинстона Черчилля, безоговорочная капитуляция означала, что победители получали полную свободу действий в отношении проигравших. Он также добавил, что на капитулировавшего противника не будет распространяться Атлантическая хартия [Iokibe 1985, 1: 110–128].

Рузвельта не заботило, как именно принципы, заложенные в понятие «безоговорочная капитуляция», будут прописаны в конкретных документах: эта задача была поставлена перед Комитетом по послевоенной внешней политике при Государственном департаменте. С 1942 года три главных специалиста по Японии – Джозеф Баллантайн, Джордж Блейкли и Хью Бортон – активно работали над формированием послевоенной политики США в отношении Японии¹¹. Вдохновленные идеалистическими положениями Атлантической хартии, но в то же время пребывавшие в растерянности из-за требования о безоговорочной капитуляции, озвученного Рузвельтом, эти специалисты по Японии пытались создать программу действий, которая позволила бы японцам вернуться после войны в международное сообщество в качестве мирной и передовой нации. Они сходились со сторонниками «жесткого мира» в том, что необходимо уничтожить военную мощь Японии и выкорчевать из нее семена милитаризма. Однако эта троица решительно возражала против концепции «жесткого мира», за которую ратовала администрация Белого дома. Сторонники «жесткого мира» настаивали на том, что японский милитаризм останется неистребим до тех пор, пока существует императорский дом. Поэтому они выступали за упразднение монархии, наказание Хирохито как военного преступника и установление в Японии республиканского строя.¹⁵

Баллантайн, Блейкли и Бортон были коренным образом не согласны с этими предложениями. Они утверждали, что нельзя безболезненно установить новый политический строй – даже такой, как демократия – в стране, чьи политические, культурные и религиозные традиции так сильно отличаются от американских. Зная японскую историю, они понимали, что возрождение милитаризма было в очень малой степени связано с императорским строем как таковым и что симбиотическая связь между императором и милитаризмом, о которой говорилось в принципах кокутай, имеет недавнее происхождение. Почитание императора было глубоко заложено в японцах на религиозном и эмоциональном уровне, и только горстка радикалов – по большей части коммунистов – выступала за упразднение монархии. Введение в Японии республиканского строя означало бы, что американская оккупация будет длиться очень долго, и даже тогда не было бы никаких гарантий, что после ухода американцев монархия не будет восстановлена.

¹⁴ О том, каким образом Рузвельт пришел к такой формулировке, см. [Iokibe 1985, 1: 84–91; Hellegers 2001, 1: 1–33].

¹⁵ Факты, изложенные ниже, почерпнуты в [Iokibe 1985, 1: 178–282; 2, 4–140].

Сторонники «мягкого мира» утверждали, что в интересах США будет превратить Японию в мирную и передовую страну. Для этого было жизненно важно сохранить монархию. Выразителем идей этой группы лиц был Джозеф Грю, ставший мишенью для яростных нападок со стороны либералов, которые прозвали его «соглашателем» и «апологетом Хирохито» [Heinrichs 1966: 364–369].

Хотя сам Рузвельт не очень глубоко вникал в эти вопросы, он явно был сторонником жестких мер в отношении Японии. Даже Халл критиковал позицию своих экспертов по Японии как слишком мягкую. Общественное мнение США было однозначно против Японии и Хирохито. В такой ситуации, когда все вокруг было пропитано антияпонскими настроениями, экспертам Госдепа пришлось несколько скорректировать свою позицию. На словах они выразили полную поддержку поставленной президентом задаче добиться безоговорочной капитуляции, однако при этом продолжали настаивать на том, что эта капитуляция ни в коем случае не должна повлечь за собой свержение в Японии монархического строя.

Сталин обещает вступить в войну с Японией

В октябре 1943 года в тихоокеанских взаимоотношениях между СССР и США произошел коренной перелом. Новым послом Соединенных Штатов в Советском Союзе стал Аверелл Гарриман, а главой американской миссии в Москве Объединенный комитет начальников штабов назначил генерал-майора Джона Р. Дина. На конференции министров иностранных дел, начавшейся в Москве 19 октября 1943 года, в первую очередь обсуждалось открытие второго фронта в Европе. Однако именно на этой встрече лидеры советского государства впервые обозначили свое намерение вступить в войну с Японией. Халл вспоминал, что Сталин «прямо и недвусмысленно» сказал ему, что, «когда союзники нанесут поражение Германии, Советский Союз присоединится к ним для победы над Японией». Однажды вечером после ужина участникам конференции был показан фильм о японской интервенции в Сибири. «Это была явная антияпонская пропаганда, – писал Дин, – и нам всем показалось, что таким образом советские лидеры косвенно дали понять о своем отношении к Японии». Когда Иден заметил, что, возможно, показ такого фильма был не вполне уместным действием со стороны государства, сохраняющего нейтралитет с Японией, Гарриман возразил, что поддерживает это решение, и провозгласил тост за тот день, когда американцы и русские «вместе будут бить япошек». Хотя Гарриман сказал Молотову, что поймет, если советский нарком иностранных дел не присоединится к этому тосту, Молотов ответил: «Почему бы нет? С удовольствием. Это время придет», – и опрокинул рюмку¹⁶.

На Московской конференции министров иностранных дел участники антигитлеровской коалиции приняли декларацию, в которой договорились продолжать сотрудничество. В пятом параграфе этой декларации было сказано, что союзники будут консультироваться друг с другом и, если понадобится, с другими членами Объединенных Наций, «имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций... пока не будет установлена система всеобщей безопасности» [Harriman, Abel 1975: 237]. В июле и августе 1945 года это условие сыграло важнейшую роль в переговорах между СССР и США.

Обещание Сталина вступить в войну с Японией было напрямую связано с вопросом об открытии второго фронта в Европе. Советский Союз, которому в предыдущие два года пришлось противостоять 80 % немецкой военной мощи, принял на себя основной удар на европейском театре военных действий. Англо-американские союзники неоднократно отвергали требования Сталина открыть второй фронт в Европе.

Однако слова Сталина о присоединении к союзникам в войне против Японии не были дипломатической уловкой; он уже начал подготовку к ней. Победа советских войск в Сталинградской битве придала Сталину чувство уверенности, побудив его предпринять первые конкретные шаги к военным действиям против Японии. В августе 1943 года Государственный комитет обороны принял решение о строительстве железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани для транспортировки войск на Тихоокеанский театр военных действий – это был проект первостепенной важности, реализация которого была поручена Наркомату внутренних дел (НКВД) [Kirichenko 1992: 236–243]. Впрочем, если Сталин и строил планы нападения на Японию, он держал их при себе, доверяя свои мысли только избранным членам Политбюро, таким как Молотов и Берия.

Быстрота, с которой западные союзники достигли договоренности о сотрудничестве с Советским Союзом, тревожила посла Сато. 10 ноября он спросил Молотова, означала ли Московская конференция какие-либо перемены в политике Советского государства в отношении Японии. Молотов заверил его, что все останется по-прежнему. Когда Сато спросил Молотова

¹⁶ См. [Hull 1948: 1113, 1309–1310; Entry 1955: 22; Bohlen 1973: 128; NHK 1991: 15–17].

о Декларации четырех государств, советский нарком резко оборвал его, поинтересовавшись у Сато, что означает недавнее подтверждение Тройственного пакта, провозглашенное Германией, Италией и Японией 15 сентября того же года. Избрав тактику нападения, Молотов смог скрыть от Сато истинный смысл Московской декларации [Lensen 1972: 53].

Московская конференция стала прелюдией к первой встрече лидеров антигитлеровской коалиции на высшем уровне. Но Сталин наложил вето на участие в этом саммите Чан Кайши. Он не считал Китай равным трем другим мировым державам и не хотел, чтобы Чан Кайши вступил с Рузвельтом и Черчиллем в коалицию, которая оказывала бы давление на СССР, вынуждая его начать войну на Дальнем Востоке. Поэтому 27 ноября 1943 года Рузвельт, Черчилль и Чан Кайши встретились в Каире без Сталина. Там они приняли Каирскую декларацию, в которой провозгласили отказ от территориальной экспансии и заявили, что их целью является лишить Японию всех территорий, захваченных ею у других «при помощи силы и в результате своей алчности», и обеспечить возвращение Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов Китаю, освобождение тихоокеанских островов и установление независимости Кореи.

28 ноября «Большая тройка» (Рузвельт, Черчилль и Сталин) встретились в Тегеране. На этой встрече Рузвельт и Черчилль наконец согласились открыть второй фронт в Европе не позднее мая 1944 года. Взамен Сталин пообещал вступить в войну с Японией после победы над Германией. «Там же, в Тегеране, наши союзники заручились принципиальным согласием советской стороны объявить войну империалистической Японии после поражения гитлеровской Германии» [Славинский 1999: 327–328; Штеменко 2014: 275; May 1955: 164–165]. Также Сталин сказал, что в свое время сообщит союзникам условия, на которых СССР вступит в Тихоокеанскую войну. Вполне вероятно, что Сталин с Рузвельтом уже тогда обсудили в личной беседе условия участия СССР в войне с Японией, но протокола этой встречи не сохранилось. 12 января 1944 года Рузвельт на Тихоокеанском военном совете объявил, что по договоренности со Сталиным Маньчжурия, Тайвань и Пескадорские острова будут возвращены Китаю, в Корею будет на 40 лет введена система международной опеки, а Советский Союз получит в аренду Дайрен и маньчжурские железные дороги; кроме того, СССР будет возвращен Южный Сахалин и переданы Курилы¹⁷. В Тегеране Сталин с Рузвельтом тайно обсудили особые требования советской стороны; формальное утверждение этих условий было перенесено на более поздний срок [Bohlen 1973: 195; Entry 1955: 24; lokibe 1985, 2: 76–79].

В то же время Сталин потребовал от экспертов по внешней политике представить ему свои соображения по японскому вопросу. 11 января 1944 года руководитель комиссии Наркомата иностранных дел И. И. Майский представил Молотову объемную записку, в которой изложил свое видение общей стратегии Советского Союза по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. По мнению Майского, первостепенной задачей СССР должно было стать «создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере, в Европе и в Азии». Для достижения этой цели было необходимо, чтобы СССР вышел из войны с выгодными стратегическими границами. Применительно к Дальнему Востоку это означало возвращение Южного Сахалина и передачу Советскому Союзу Курильских островов, отгораживавших СССР от Тихого океана. Однако Майский не считал, что для этого СССР необходимо вступать в войну с Японией. По его мнению, было более выгодно «предоставить “честь” разгрома Японии англичанам и американцам», что «заставило бы США и Великобританию несколько порастрясти свои человеческие и материальные ресурсы». На послевоенной мирной конференции СССР мог бы получить эти территории, «не сделав ни одного выстрела на Дальнем Востоке»¹⁸.

¹⁷ Memorandum, 12 Jan. 1945. Papers of George M. Elsey. HTSL.

¹⁸ Заняться подготовкой будущего мира // Источник. 1995. № 4. Док. 5.С. 124–125, 133–134. См. также [Yokote 1998: 216–218].

В июне 1944 года в Москву из Токио был вызван посол Я. А. Малик. В июле он представил 73-страничный доклад о советско-японских отношениях¹⁹. В этом докладе было два важных раздела: первый был посвящен анализу текущего положения, а второй – перспективам на будущее. В первом разделе Малик подробно объяснял, каким образом Япония оказалась в зависимости от Советского Союза. Дело было не только в том, что соблюдение пакта о нейтралитете дало японцам возможность продолжить войну с США, но и в том, что развитие партнерских отношений с СССР стало для Японии единственным шансом выбраться из этой войны. По словам Малика, японцы верили, что смогут обратить себе на пользу конфликт между англо-американскими союзниками и СССР и, когда ситуация на фронте станет для Японии безнадежной, правительство Хирохито сможет ценой значительных уступок Москве убедить Сталина выступить против своих западных союзников. Хотя Квантунская армия все еще представляла собой весьма грозную силу, не было никаких оснований полагать, что в ближайшем будущем Япония нападет на Советский Союз. В конце этого раздела Малик предлагал продолжать сотрудничество с Японией на прежнем уровне²⁰.

Во втором разделе доклада Малик излагал свои взгляды на будущее советско-японских отношений. Он пришел к выводу, что поражение Японии являлось только вопросом времени. Поэтому он советовал начать действовать до того, как США и Великобритания разрушат Японскую империю. В первую очередь СССР необходимо было обеспечить себе выход к Тихому океану, заняв такие стратегические объекты, как Маньчжурия, Корея, Цусима и Курилы. Во-вторых, нужно было позаботиться о том, чтобы эти стратегические объекты не достались другим странам. Затем Малик перечислил 27 целей, реализовать которые СССР мог, даже не вступая в войну²¹.

Вот некоторые из этих целей: решение о вхождении Маньчжурии в состав Китая после получения ею независимости, компенсация за КВЖД, вопрос о том, какова будет роль СССР в системе международной опеки Кореи после получения ею независимости, обеспечение безопасности интересов СССР в Корее, возвращение ЮМЖД, вопрос о Дайрене и Порт-Артуре, возвращение Южного Сахалина, передача СССР всех Курильских островов, денонсация Портсмутского договора, компенсация за Сибирскую интервенцию, участие СССР в оккупации Японии, гарантии соблюдения советских интересов в послевоенном Китае²².

Во всех трех упомянутых выше докладах, составленных представителями советской внешнеполитической элиты (Лозовским в декабре 1941 года, Майским в январе 1944-го и Маликом в июле 1944-го), прослеживаются две основные общие мысли. Во-первых, это обеспечение безопасности СССР и связанная с ним необходимость гарантировать свободный доступ к Тихому океану. Для достижения этой цели все трое экспертов настаивали на возврате Южного Сахалина и оккупации Курил. Также стоит отметить, что в своем видении послевоенного межевания территорий они опирались не на исторические притязания России, Атлантическую хартию или Каирскую декларацию, а исключительно на стратегические интересы СССР. Во-вторых, все три автора докладов были убеждены, что лучшим способом достижения этих целей для Советского Союза будет неучастие в войне с Японией (хотя у Малика были сомнения на этот счет).

Сталин тоже разделял точку зрения, что послевоенное устройство мира должно быть основано на стратегических интересах Советского Союза, а не на исторических притязаниях. Особенно высоко он оценил доклад Малика. По сути, список целей, составленный Маликом,

¹⁹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. Пап. 58. Д. 803а. Л. 204–258. Анализ этого доклада Малика см. у Ёкотэ, Славинского и Хэслэма [Yokote 1998: 222–225; Славинский 1995: 239–244; Haslam 1997: 74–81].

²⁰ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. Пап. 58. Д. 803а. Л. 213–215, 218–219, 223–225.

²¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. Пап. 58. Д. 803а. Л. 230–240. Лозовский раскритиковал этот доклад Малика за то, что в нем отсутствовал классовый анализ (Там же. Л. 259–262).

²² АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. Пап. 58. Д. 803а. Л. 230–240.

почти полностью совпадает с условиями, озвученными Сталиным на Ялтинской конференции. Однако советский вождь не согласился с мнением своих советников, что СССР может добиться этих целей, не вступая в войну с Японией.

Малик, Майский и Лозовский этого не знали, но к тому моменту Сталин и Молотов уже приняли окончательное решение напасть на Японию. Летом 1944 года Сталин вызвал маршала А. М. Василевского с Белорусского фронта и сообщил ему, что собирается назначить его главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке для подготовки войны с Японией. В сентябре, в обстановке полной секретности, Сталин поручил Генштабу произвести расчеты по размещению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. Генштаб завершил проведение этих расчетов в начале октября – перед встречей Сталина с Черчиллем [Севостьянов 1995: 37; Василевский 1975: 552–553; Штеменко 2014: 406; Штеменко 1967: 55].

Пока Сталин тайне готовился к войне с Японией, США начали пересматривать свою военную стратегию на Тихом океане. Несмотря на то что после Мидуэя и Гуадалканала ход войны стал складываться в их пользу, США по-прежнему сражались на Тихом океане, не имея внятной долгосрочной стратегии. Объединенный комитет начальников штабов был так поглощен войной в Европе, что дал двум своим военачальникам – адмиралу Честеру У. Нимицу, главнокомандующему Тихоокеанской зоной, и генералу Дугласу Макартуру, главнокомандующему Юго-Западной зоной, – слишком большую свободу действий. Американское наступление на этих двух направлениях диктовалось по большей части обстоятельствами и сиюминутными задачами, а не какими-либо долгосрочными планами. Однако во второй половине 1943 года союзники могли уже с уверенностью прогнозировать исход войны с Германией, и Объединенный комитет начальников штабов принял решение нанести поражение Японии в течение года после победы над немцами. В начале 1944 года силы Нимица приближались к Марианским островам, а Макартур готовился к освобождению Филиппин [Skates 1994: 33–59]. Возникла необходимость в формировании последовательной долгосрочной стратегии, которая позволит победить Японию.

В высшем руководстве американских вооруженных сил имелись разногласия по поводу того, как именно добиться капитуляции Японии. ВМС, возглавляемые флотским адмиралом Эрнестом Кингом, главнокомандующим флота США и руководителем военно-морскими операциями, и ВВС под началом генерала Генри «Хэпа» Арнолда считали, что морская блокада в сочетании с воздушными бомбардировками вынудят Японию сдаться и без наземной операции. Однако начальник штаба армии Джордж Маршалл и его советники были уверены, что для обеспечения безоговорочной капитуляции противника необходимо осуществить высадку на японскую землю. Весной и летом 1944 года было достигнуто компромиссное решение: США проведут наземную операцию, высадившись в индустриальном центре Японии, и в то же время начнут морскую и воздушную блокаду и интенсивные бомбардировки. В июле 1944 года Объединенный комитет начальников штабов утвердил план двухэтапного вторжения в Японию: сначала на Кюсю, а затем на равнину Канто [Cline 1951: 337–339; MacEachin 1998: 1–2].

Важнейшим элементом этого плана было участие в войне с Японией Советского Союза. Однако координация совместных военных действий против японцев оказалась исключительно трудным делом. Попытки Дина получить подробную информацию о намерениях и возможностях Советского Союза ни к чему не привели. Поэтому, когда Объединенный комитет начальников штабов утверждал генеральную стратегию финального этапа войны с Японией на Квебекской конференции в сентябре 1944 года, американское командование вынужденно исходило из предположения, что СССР не будет участвовать в этой операции [Entry 1955: 30–32].

Падение Тодзё

Перелом в ходе войны побудил Сталина задуматься о том, каким образом выторговать у союзников наиболее выгодные для СССР условия вступления в войну с Японией. В то же время в самой Японии после потери Сайпана в июле 1944 года правительство Тодзё было подвергнуто жесточайшей критике. Политическая элита, лидерами которой были Кэйсукэ Окада, Рэйдзиро Вакацуки и Коноэ, строила планы смещения Тодзё. Даже Кидо, который прежде часто поддерживал Тодзё, счел необходимым принести в жертву утратившего популярность премьер-министра [Shusen shiroku 1977, 1:131–175; Koketsu 1996:149–156]. Новым главой правительства стал генерал Куниаки Коисо.

1. Контр-адмирал Сокити Такаги. По поручению адмирала Ёная Такаги создал аналитическую группу, разработавшую план выхода Японии из войны. Эта группа, держась в тени главных политических фигур, сыграла ключевую роль в обсуждении условий завершения войны, обеспечении взаимодействия между японскими лидерами и разработке сценария капитуляции.

Библиотека парламента Японии

Падение Тодзё совпало по времени с началом тайной подготовки окончания войны. В конце августа министр флота адмирал Мицумаса Ёнай уволил контр-адмирала Сокити Такаги

с активной службы и дал ему отпуск по болезни. Истинной целью этой отставки было данное Такаги поручение составить секретный план выхода Японии из войны. Такаги обладал острым аналитическим умом и был совершенно свободен от того ура-патриотизма, который затуманивал головы большинству его соотечественников. Обладая широкими связями как среди политической элиты (Окада и Коноэ), так и внутри академического сообщества, он имел доступ ко всем важным документам правительства и Высшего совета по управлению войной, который сменил Совместное совещание в качестве главного руководящего органа Японии. Вскоре Такаги привлек к сотрудничеству полковника Макото Мацутани из Министерства армии, секретаря Кидо Ясумасу Мацудаиру и Тосикадзу Касэ, секретаря Сигэмицу. Группа Такаги пришла к выводу, что единственным вариантом окончания войны стало бы заявление императора, обращенное к военному командованию и правительству [Takagi nikki 2000, 2: 765, 823]²³.

Чем сильнее ухудшалась военная ситуация, тем более важное место в военной и внешней политике Японии стали занимать отношения с Советским Союзом. 12 сентября 1944 года Высший совет по управлению войной принял решение сохранить нейтралитет с СССР и улучшить отношения с Москвой, чтобы выступить посредником при заключении мира между Советским Союзом и Германией, а также предпринять активные дипломатические усилия, чтобы склонить СССР на сторону Японии после поражения немцев в войне. Для достижения всех этих целей было решено отправить в Москву чрезвычайного и полномочного посла.

Среди особых уступок, на которые было готово пойти японское правительство, было разрешение советским судам проходить Сангарским проливом, упразднение советско-японского соглашения 1925 года, отказ от права на рыбную ловлю в территориальных водах СССР, передача СССР Китайско-Восточной железной дороги, согласие на осуществление СССР мирных действий в Маньчжурии, Внутренней Монголии, Китае и других частях Восточной Азии, признание Маньчжурии и Внутренней Монголии зонами советской сферы влияния, выход из Антикоммунистического и Тройственного пактов, возврат Южного Сахалина и передача СССР Северных Курил. Ради того чтобы удержать СССР от вступления в войну, Япония была готова пойти на существенные жертвы. Однако этого было недостаточно, чтобы утолить аппетиты Сталина. Вопрос размежевания сфер влияния в Маньчжурии не был оговорен в деталях, о Южно-Маньчжурской железной дороге, Дайрене и Порт-Артуре не было сказано ни слова, так же как и о Корее, а Южные Курилы оставались за японцами. На примере этого списка видно, до какой степени японцы недооценивали намерения Сталина²⁴. Если советская внешнеполитическая элита требовала, чтобы послевоенное устройство мира базировалось на стратегических интересах и безопасности СССР, то японское правительство полагало, что будет достаточно пойти на минимальные уступки, основанные на исторических притязаниях России.

Следуя инструкциям, полученным от Сигэмицу, Сато встретился с Молотовым и попросил советское правительство принять чрезвычайного посла из Токио. Молотов категорически отверг это предложение. Он сказал, что советско-японские отношения были четко оговорены в пакте о нейтралитете и он не видит причины, по которой какие-либо вопросы, представляющие интерес для обеих стран, не могли бы быть обсуждены по обычным дипломатическим каналам. Кроме того, другие страны расценили бы такие переговоры как возможный советско-японский союз против членов антигитлеровской коалиции²⁵. Готовясь к деликатным переговорам с Рузвельтом, на которых надлежало сформулировать условия вступления Советского Союза в войну на Тихом океане, Сталин не хотел, чтобы у американцев создалось впечатление, будто он в то же самое время торгуется с японцами.

²³ См. также Matsudaira Yasumasa chinjutsuroku, p. 593, BKSS; [Matsutani 1982: 98-100].

²⁴ «Taiso gaiko shisaku ni kansuru ken (an)» [Shusen shiroku 1977, 1: 248-252]. См. также Nishihara. Vol. 1. P. 19-20.

²⁵ «Nisso gaiko kosho kiroku (Gaimusho chosho)» [Shusen shiroku 1977, 1: 152-154]. См. также [Morishima 1975: 180-184].

В октябре 1944 года Такаги завершил первый всеобъемлющий отчет, посвященный окончанию войны. В нем он указал за и против возможных переговоров с США, Великобританией и Советским Союзом. Такаги перечислил четыре потенциальные задачи американцев: уничтожение японского народа; уничтожение кокутай; реформа политической системы Японии; и международное сотрудничество с признанием гегемонии США в Восточной Азии. Из этих четырех целей Такаги исключил первую как не отвечающую американским интересам; что же касается уничтожения кокутай, то это, по мнению Такаги, имело для США как плюсы, так и минусы. Он считал, что Соединенные Штаты скорее всего будут добиваться решения третьей и четвертой задачи. Поэтому мир, заключенный благодаря переговорам с американцами, оставлял Японии наилучшие шансы сохранить кокутай.

У сближения с Советским Союзом тоже были свои преимущества. Японию и СССР объединяли общие интересы – соперничество с США и Великобританией; кроме того, мир, достигнутый при посредничестве нейтрального Советского Союза, не вызвал бы сильного протеста внутри страны. Но на другой чаше весов лежали возможная пропаганда коммунизма и малая вероятность долгосрочного мира с таким ненадежным партнером, как СССР, чьи интересы в Китае были противоположны японским.

Что касается условий окончания войны, на которых должна была настаивать Япония, то самым важным из них Такаги считал неприкосновенность императорского дома и сохранение кокутай. Важно отметить, что Такаги проводил различие между этими двумя понятиями. Другими условиями были установление демократии и избавление от милитаристских клик, невмешательство во внутренние дела Японии, экономическое выживание японских граждан, отсутствие оккупации, наказание военных преступников самими японцами и независимость стран Восточной Азии. Рассуждая о территориальных уступках, Такаги писал, что Япония должна как минимум сохранить четыре своих главных острова, но при этом не исключал отказа от Курил, Бонин и Рюкю [Takagi nikki 2000, 2: 771–779]. Утрату остальных территорий – за исключением Хонсю, Сикоку, Кюсю и Хоккайдо – он считал неминуемой.

Понятно, что Такаги не выступал от имени японского правительства. Тем не менее нельзя утверждать, что его идеи были оторваны от политической реальности, потому что он возглавлял пусть небольшую и разобщенную, но все же потенциально влиятельную группу чиновников, стремившихся к окончанию войны. В тот момент Такаги отдавал явное предпочтение сделке с США, полагая, что именно в этом заключается наилучший шанс Японии на сохранение кокутай. Можно говорить о том, что в некоторых аспектах интересы этой партии мира пересекались с позицией Джозефа Грю и его экспертов по Японии.

Сталин торгуется с Соединенными Штатами

Пока Япония заигрывала с Советским Союзом, пытаясь заручиться его нейтралитетом, Сталин отчаянно торговался с Соединенными Штатами, заламывая за вступление СССР в войну на Тихом океане высокую цену. Когда Гарриман и посол Великобритании Арчибальд Кларк Керр встретились со Сталиным 23 сентября 1944 года, чтобы проинформировать его об итогах Квебекской конференции, советский вождь дважды выразил удивление тем, что западные союзники, разрабатывая стратегию победы над Японией, не принимали в расчет участие в этих действиях Советского Союза. Он спросил послов, планируют ли Великобритания и США поставить Японию на колени своими силами или заинтересованы в помощи СССР, которую Сталин предлагал им на Тегеранской конференции. После того как Гарриман поспешно ответил, что США, разумеется, очень хотят действовать вместе с русскими, Сталин подтвердил готовность СССР вступить в войну с Японией и поинтересовался у американского посла, какую роль отводят США СССР в этой войне. Гарриман спросил, разрешит ли Сталин союзникам воспользоваться советскими авиабазами в Приморье, как было обещано ранее. Отмахнувшись от этого вопроса, Сталин ответил: «Это не самый важный вопрос». Гораздо большее значение имел тот факт, что СССР был готов отправить на Дальний Восток от 20 до 30 дивизий.

США из кожи вон лезли, чтобы умиловить советского вождя. Гарриман рекомендовал Рузвельту первым обозначить СССР ту роль, которую уготовили ему союзники, а не ждать, пока Сталин выступит с собственными инициативами. Рузвельт сообщил Черчиллю: «Сталин <...> очень болезненно воспринимает сомнения насчет его готовности помочь нам на Востоке», Гарриману Рузвельт написал, что никогда не сомневался в том, что Сталин выполняет обещания, данные им в Тегеране²⁶.

В октябре, во время визита Черчилля в Москву, Сталин провел серию бесед с Гарриманом. Он сказал Гарриману, что пока что не готов назвать точную дату нападения на Японию, но «планирование начнется немедленно». Он также подчеркнул, что «необходимо внести ясность в политические аспекты», намекая на то, что участие СССР в этой войне должно быть вознаграждено. Сталин обещал американцам предоставить доступ к авиационным и военно-морским базам СССР на Камчатке, потребовав взамен «резервы в виде еды и авиационного и автомобильного топлива, достаточные для двух- или трехмесячных операций», а также «рельсы и прочее транспортное оборудование». Он также выразил пожелание, чтобы США начали регулярные поставки четырехмоторных самолетов для советских ВВС, и согласился на совместные заседания советского и американского штабов в Москве²⁷.

Гарриман охотно согласился обеспечить снабжение баз в Приморье. Сталин не ожидал, что война с Японией затянется, поэтому двухмесячных резервов должно было хватить. Также Сталин добавил, что необходимо внести ясность в политические аспекты участия СССР в войне. «Русские должны знать, за что они воюют, – сказал он. – Мы имеем определенный счет для предъявления Японии». Однако в тот момент Сталин не прояснил, в чем именно состоит этот счет²⁸.

Одновременно со всеми этими переговорами Сталин готовил страну к войне. Все последние годы советское правительство старалось не делать каких-либо антияпонских заявлений, чтобы не спровоцировать нападение Японии на СССР. Однако 6 ноября в своей речи, посвященной годовщине Октября, Сталин впервые назвал Японию агрессором и сравнил нападение

²⁶ Harriman to Roosevelt, 23 Sept. 1944, Harriman Papers, Moscow Files, 19–24 Sept. 1944, Library of Congress; см. также [Entry 1955: 34–35].

²⁷ Harriman to the President, Eyes Only Cable, 15 Oct. 1944, Harriman Papers, Moscow Files, 15–16 Oct. 1944; «Summary of Conclusions of the Meeting Held at the Kremlin, October 15, 1944», Harriman Papers, Moscow Files, 17–20 Oct. 1944.

²⁸ «Conversation, the Far Eastern Theater», 15 Oct. 1944, Harriman Papers, Moscow Files, 15–16 Oct. 1944.

японцев на Перл-Харбор с нападением немцев на Советский Союз. В это же время советской прессе была дана свобода печатать статьи, направленные против Японии²⁹.

Если Сталин рассчитывал, что за помощь в войне с Японией США уступят его требованиям, то он был совершенно прав. В ноябре 1944 года Объединенный комитет начальников штабов провел анализ возможного участия СССР в войне с японцами, из которого следовало, что безотносительно стратегических задач США национальные интересы СССР неизбежно требовали от русских вступить в Тихоокеанскую войну. «Однако, – писали составители этого отчета, – наше общее мнение сводится к тому, что чем скорее русские начнут военные действия, тем лучше для нас». В конце отчета говорилось, что Объединенный комитет начальников штабов выступает за «скорейшее вступление русских в эту войну» и готов «без предубеждений оказать максимальную поддержку в нанесении главного удара по Японии». Участие СССР в военных операциях было необходимо не только для того, чтобы связать японские войска в Маньчжурии и Северной Корее, но и чтобы «перерезать линии коммуникаций между Японией и континентальной Азией» [Entry 1955: 39–41].

14 декабря Гарриман встретился со Сталиным и обсудил поставки по ленд-лизу на Дальний Восток. Гарриман сообщил Сталину, что, несмотря на нехватку ресурсов для ведения военных действий в Европе и подготовку к Филиппинской операции, Рузвельт и Объединенный комитет начальников штабов согласились выполнить его требования в полном объеме и как можно скорее. Также американский посол спросил, что имел в виду Сталин, когда упомянул в октябре «политические аспекты» участия СССР в войне с Японией. Сталин вынес из соседней комнаты карту и сказал, что Южный Сахалин и Курилы должны быть возвращены Советскому Союзу. «Сейчас подступы к Владивостоку полностью контролируются японцами, – сказал он. – СССР вправе рассчитывать на защиту путей, ведущих в этот важный порт. В настоящее время все выходы в Тихий океан блокирует противник». Затем Сталин провел черту вокруг южной части Ляодунского полуострова, включая Дайрен и Порт-Артур, и заявил, что СССР рассчитывает снова арендовать эти порты. Кроме того, Сталин заявил о желании арендовать КВЖД и ЮМЖД. Также он потребовал сохранения статус-кво Внешней Монголии³⁰.

Гарриман не выразил удивления этими требованиями. Его единственное возражение касалось аренды Дайрена. Он сказал, что лучшим вариантом было бы превращение Дайрена в международный свободный порт. Сталин ответил просто: «Мы обсудим этот вопрос в другой раз».

²⁹ «Interpretative Report on Developments in Soviet Policy Based on the Soviet Press for the Period, October 15 – December 31, 1944», Harriman Papers, Moscow Files, 13 Oct. 1944. Что касается реакции Японии на эту речь Сталина, см. [Takagi nikki 2000, 2: 781].

³⁰ «Conversation: MILEPOST», 14 Dec. 1944, Harriman Papers, Moscow Files, 8–14 Dec. 1944; Harriman to the President, 15 Dec. 1944, Harriman Papers, Moscow Files, 15–20 Dec. 1944.

Вопрос с пактом о нейтралитете

Пока Сталин готовился к войне с Японией, перед советским правительством встал непростой вопрос, касавшийся пакта о нейтралитете, согласно которому, если одна из сторон не денонсирует его за год до его окончания, он автоматически продлевался еще на пять лет. Безусловно, Советский Союз намеревался расторгнуть этот пакт до наступления крайнего срока. Однако такое действие послужило бы для японцев явным сигналом о намерениях СССР. Оно даже могло спровоцировать Японию на нанесение предупредительного удара по Советскому Союзу до того, как Сталин завершил бы приготовления к войне. Сталин не хотел быть связанным пактом о нейтралитете. Однако для того, чтобы нападение СССР стало неожиданным, он должен был убедить японцев, что СССР будет соблюдать условия пакта до его истечения в апреле 1946 года.

10 января 1945 года Лозовский послал Молотову служебную записку, в которой рекомендовал советскому правительству денонсировать пакт о нейтралитете до наступления крайнего срока. Лозовский предлагал объявить о расторжении пакта таким образом, чтобы у Японии оставалась надежда, что уступки с их стороны смогут привести к его продлению. По мнению Лозовского, СССР следовало приступить к переговорам о продлении пакта в октябре-ноябре 1945 года, когда ситуация в Европе и Азии окончательно проявится³¹. Лозовский по-прежнему считал, что СССР стоит воздержаться от участия в этой войне, и был убежден в том, что пакт о нейтралитете будет иметь силу до своего истечения.

Нет сомнения в том, что этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне. Сталин и Молотов были согласны с Лозовским в том, что касалось денонсации пакта о нейтралитете, но вопреки рекомендациям Лозовского Сталин уже принял решение о войне с Японией, и Молотов, скорее всего, был в курсе этих планов. Но для того, чтобы одурачить японцев, необходимо было также обмануть и свою внешнеполитическую элиту. Ни Лозовский, ни Малик не были проинформированы о тайном замысле вождя. Однако Сталину с Молотовым так и не удалось решить несколько ключевых вопросов: как денонсировать пакт о нейтралитете, не спровоцировав Японию на нападение; поддерживать ли иллюзию того, что пакт будет действителен еще год, или разорвать его в одностороннем порядке, чтобы иметь полную свободу действий; и, если будет решено обмануть японцев, заверив их, что СССР продолжит сохранять нейтралитет, как нанести неожиданный удар по Японии, не вызвав обвинения в нарушении пакта.

³¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 7. Пап. 55. Д. 898. Л. 1–2. См. также [Славинский 1995: 261–263; Севостьянов 1995: 35–36].

«Большая тройка» в Ялте

Ялтинские переговоры Рузвельта, Сталина и Черчилля длились с 4 по 11 февраля 1945 года. Вопрос о Дальнем Востоке был поднят на неофициальной встрече между Рузвельтом и Сталиным 8 февраля – на пятый день конференции.

2. Ялтинская конференция, февраль 1945 года. Слева направо: Черчилль, Рузвельт, Сталин; за спиной Рузвельта стоит начальник Штаба президента США Уильям Лети. Сталин дал слово вступить в войну с Японией через три месяца после капитуляции Германии, а в ответ Рузвельт обещал передать СССР права на Южный Сахалин и Курилы и согласился с тем, что русские обладают «преимущественными интересами» в Маньчжурии. РГАКФД

Сталин перечислил уже высказанные им в разговоре с Гарриманом особые условия, на которых Советский Союз вступит в войну с Японией, и всего через 15 минут Рузвельт согласился со всеми его требованиями. По словам А. А. Громыко, советского посла в Соединенных Штатах, Рузвельт еще до этой встречи послал Сталину записку, в которой принял условия советской стороны о статусе Южного Сахалина и Курил. Когда Громыко перевел Сталину письмо Рузвельта, тот был очень доволен и, расхаживая по кабинету, повторял вслух: «Хорошо, очень хорошо!» [Громыко 1988,2:189]. Сталин уже успел ознакомиться с подготовленной для Рузвельта перед Ялтинской конференцией запиской Блейкли, в которой рекомендовалось сохранить права на Южные Курильские острова за Японией, а Северные и Средние Курилы передать в юрисдикцию международной организации, возглавляемой Советским Союзом. Сталин был очень рад, что Рузвельт не стал следовать рекомендациям Блейкли³². Ему удалось

³² Отчет Блейкли см. в [FRUS 1955: 379–383]. Севостьянов нашел копию этого отчета в Архиве Президента РФ [Севостьянов 1995: 34].

убедить США в том, что в основу послевоенного мироустройства должны быть заложены не исторические претензии СССР, а его стратегические интересы.

10 февраля Молотов передал Гарриману черновой вариант предложения Сталина, переведенный на английский. Гарриман внес в этот документ две правки. Если в первоначальных требованиях Сталина говорилось об аренде Дайрена и Порт-Артура, то Гарриман высказался за интернационализацию обоих этих портов. Также Сталин требовал восстановления прав России на Восточно-Китайскую и Южно-Маньчжурскую железные дороги, но Гарриман предложил, чтобы они управлялись совместно Советским Союзом и Китаем. Сталин ответил Гарриману, что согласен на предоставление статуса свободного порта Дайрену, но настаивает на аренде Порт-Артура. Рузвельт принял эти условия. Также Сталин согласился с правкой Гарримана касательно железных дорог, но при условии, что Чан Кайши одобрит сохранение статус-кво Внешней Монголии.

В финальную редакцию соглашения так и не была включена одна из важных правок Гарримана. В пункт, где говорилось об эксплуатации железных дорог, Сталин вставил уточнение «с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза». Гарриману не понравилось выражение «преимущественные интересы», и он сказал об этом Рузвельту. Однако Рузвельт «не хотел цепляться к словам». Он и представить тогда не мог, какую важную роль сыграют эти слова в последующих переговорах между Китаем и СССР. После того как текст секретного соглашения был утвержден, Черчилль, который не присутствовал на этих встречах, решил подписать документ, не ставя об этом в известность свой кабинет, – по всей видимости, ради защиты британских интересов на Дальнем Востоке³³.

По принятому в Ялте соглашению лидеры «Большой тройки» договорились о том, что «через два-три месяца» после капитуляции Германии «Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников» на следующих условиях:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановлением аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Китайско-Советского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Манчжурии полный суверенитет.
3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов³⁴.

Это соглашение должно было получить одобрение Чан Кайши, и, «по совету маршала И. В. Сталина», Рузвельт обязался принять меры к тому, «чтобы было получено такое согласие». Советский Союз выразил готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем [FRUS 1955:984].

³³ Harriman's Note, 10 Feb. 1945, Harriman Papers, Moscow Files, Conferences, Library of Congress. Там же см. три приложения к этому документу: первоначальное предложение Сталина, правки, предложенные Гарриманом, и итоговый вариант соглашения. См. также [Harriman, Abel 1975: 398–399; Hill 1995:11].

³⁴ Цит. по: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25292> (дата обращения: 07.08.2021).

Текст этого соглашения показывает, как тщательно подбирал Сталин формулировки своих требований. Третья статья, в которой идет речь о Курилах, отделена от второй статьи, где говорится о восстановлении прав России, «нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.». Курильские острова должны были быть «переданы» Советскому Союзу, а не «возвращены», в отличие от объектов, перечисленных в пункте 2. Давая понять, что эта статья соглашения была так же важна, как и предыдущие, и намеренно используя слово «передача» вместо слова «возвращение», Сталин исключал возможность того, что вопрос о Курилах будет впоследствии пересмотрен не в пользу Советского Союза, как нарушающий условия Атлантической хартии и Каирской декларации, в которых провозглашалась территориальная целостность всех наций. Более того, убедив Рузвельта и Черчилля согласиться с тем, что «эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией», Сталин получил двойную гарантию того, что обещания не будут нарушены. Гарриману не понравился данный параграф соглашения, но Рузвельт сказал, что это «всего лишь слова» [Harriman, Abel 1975: 399].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.